

Жорж Сименон

Мегрэ и убийца

<http://book.zehinli.info>

Глава 1

Об этом вечере на бульваре Вольтер у Мегрэ остались тягостные воспоминания - пожалуй, впервые с тех пор, как они с женой стали ежемесячно обедать у Пардонов.

Все началось на бульваре Ришар-Ленуар. Жена заказала по телефону такси, потому что третий день подряд лил дождь: по радио говорили, что такого не случалось тридцать пять лет. Шквалы ледяной воды хлестали по лицу и рукам, облепляли тело намокшей одеждой. На лестницах, в лифтах, в конторах люди оставляли мокрые следы; настроение у всех было отвратительное.

Мегрэ с женой спустились вниз и полчаса, замерзая все сильнее, стояли на пороге в ожидании такси. Вдобавок пришлось уговаривать шофера, который не соглашался на такой короткий рейс.

- Извините, мы опоздали...

- В такие дни все опаздывают. Ничего, если мы сразу сядем за стол?

В квартире было тепло; ветер бился о ставни, и от этого становилось еще уютнее. Г-жа Пардон, как всегда удачно, приготовила говядину по-бургундски, и разговор вертелся вокруг этого сытного и в то же время изысканного блюда. Потом заговорили о том, как готовят в провинции: о рагу в горшочках, овощах по-лотарингски, рубце по-каннски, буйабесе (рыбная селянка).

- В сущности, большинство этих рецептов появилось в силу необходимости. Если бы в средние века были холодильники...

О чем еще они говорили? Обе женщины по обыкновению устроились в конце концов в уголке гостиной и беседовали вполголоса. Пардон повел Мегрэ в кабинет показывать редкое издание, подаренное одним из пациентов. Они сразу же сели, и г-жа Пардон принесла им кофе и кальвадос.

Пардон уже давно чувствовал себя усталым. Лицо его осунулось, в глазах читалась иногда покорность судьбе. Он безропотно работал по пятнадцать часов в сутки: утром у себя в кабинете, днем со своим тяжелым саквояжем посещал больных, потом возвращался домой, где его всегда ждала полная приемная.

- Будь у меня сын и захоти он стать врачом, я, наверное, попытался бы его отговорить.

Мегрэ почувствовал себя неловко. У Пардона эта фраза прозвучала совершенно неожиданно: врач страстно любил свою профессию, и представить себе, что он занимается чем-то другим, было просто невыносимо. На этот раз он был в плохом настроении, мрачен и даже объяснил, почему.

- Все идет к тому, что из нас сделают чиновников, а медицина превратится в более или менее равномерное, чисто механическое обслуживание населения.

Мегрэ, раскуривая трубку, наблюдал за ним.

- Не просто чиновников, - продолжал врач, - а плохих чиновников: мы уже не можем уделять каждому больному достаточно времени. Я порой стыжусь, выпроваживая их, почти выталкивая за двери. Я вижу их тревожный, даже умоляющий взгляд. Чувствую, что они ждут от меня другого: вопросов, слов - короче, минут, в течение которых я буду заниматься только ими. Ваше здоровье! - Он поднял стакан и скроил деланую улыбку, которая ему не шла. - Знаете, сколько пациентов я сегодня принял? Восемьдесят два. И это не исключение. А к тому же нас заставляют целыми вечерами заполнять всякие бланки. Простите, что я все это вам говорю. У вас на набережной дез Орфевр хватает своих забот.

О чем они говорили потом? О самых обычных вещах - на завтра о них не вспомнишь. Пардон сидел за письменным столом и курил сигарету, Мегрэ - в жестком кресле, предназначенном для больных. В кабинете царил своеобразный запах, хорошо знакомый комиссару по предыдущим посещениям. Запах, чем-то напоминающий запах полицейских участков. Запах нищеты. Клиенты Пардона, жившие в том же квартале, - люди очень скромного достатка.

Дверь отворилась. Эжени, прислуга, жившая у Пардонов так давно, что стала почти членом семьи, объявила:

- Пришел этот итальянец...

- Какой итальянец? Пальятти?

- Да. Очень взволнован... Похоже, что-то срочное.

Была половина одиннадцатого. Пардон встал и открыл дверь в унылую приемную, где стоял столик с разбросанными на нем журналами.

- Что с тобой, Джино?

- Не со мной, доктор. И не с женой - Там, на тротуаре, раненый... Умирает...

- Где?

- На улице Попенкур. Отсюда - метров сто.

- Его нашли вы?

Пардон уже стоял у дверей, натягивая пальто и ища глазами саквояж. Мегрэ, естественно, тоже надел плащ. Врач приоткрыл дверь в гостиную.

- Сейчас вернемся. На улице Попенкур - раненый.

- Возьми зонтик.

Зонтика Мегрэ не взял. Как! Он с зонтиком в руке возле человека, умирающего на тротуаре под потоками дождя? Что за нелепость!

Джино был неаполитанец. Он держал бакалейную лавочку на углу улиц Шмен-Вер и Попенкур. Точнее, в лавке торговала его жена Лючия, а он в заднем помещении готовил лапшу, ravioli и пирожки. Чету Пальятти любили. Пардон лечил Джино от повышенного давления. Изготовитель лапши был коротконог, грузен, багроволиц.

- Мы возвращались от шурина, с улицы Шарон. Его жена ждет ребенка, ее вот-вот должны отвезти в родильный дом. Идем мы под дождем, и вдруг я вижу...

Половина слов терялась в вое ветра. Струи из водосточных труб превратились в бушующие потоки, через которые нужно было перепрыгивать, грязная вода из-под колес редких машин расплескивалась на много метров.

На улице Попенкур их ждало неожиданное зрелище. Прохожих не было видно, лишь в нескольких окнах да в витрине маленького кафе еще горел свет. Примерно метрах в пятидесяти от кафе неподвижно стояла тучная женщина с зонтом, который ветер вырывал у нее из рук, а у ног ее в свете уличного фонаря виднелось распростертое тело. В Мегрэ всколыхнулись воспоминания. Еще простым инспектором, задолго до того, как возглавить отдел уголовной полиции, он часто

оказывался первым на месте, где только что произошла драка, сведение счетов, вооруженное нападение.

Потерпевший был молод. На вид еле двадцать, одет в замшевую куртку, волосы на затылке довольно длинные. Он лежал ничком, куртка со спины пропиталась кровью.

- В полицию сообщили?

- Пусть пришлют "скорую", - вмешался Пардон, опустившийся на корточки рядом с раненым.

Это означало, что неизвестный еще жив, и Мегрэ направился в сторону освещенной витрины кафе. В ее слабом свете прочел название "У Жюль". Толкнул застекленную дверь с кремовой занавеской и попал в атмосферу настолько безмятежную, что она казалась нереальной и напоминала жанровую картину. Перед ним был старомодный бар с опилками на полу; в воздухе сильно пахло спиртным. Четверо мужчин в летах, трое из которых отличались дородностью и красным цветом лица, играли в карты.

- Можно позвонить?

Клиенты, замерев, наблюдали, как он подошел к телефону, висевшему на стене возле оцинкованной стойки с рядами бутылок.

- Алло! Комиссариат одиннадцатого округа? Комиссариат в двух шагах отсюда - на площади Леона Блюма, бывшей Вольтера.

- Алло? Говорит Мегрэ. На улице Попенкур раненый... Около улицы Шмен-Вер... Нужна "скорая"...

Четверо мужчин оживились, как оживились бы персонажи картины. Карты они по-прежнему держали в руках.

- В чем дело? - спросил мужчина без пиджака, по-видимому хозяин. - Кто ранен?

- Молодой человек.

Мегрэ положил на стойку мелочь и направился к двери.

- Высокий и тощий, в замшевой куртке?

- Да.

- С четверть часа назад он был здесь.

- Один?

- Да - Выглядел взволнованным?

- Хозяин, по всей видимости этот самый Жюль, окинул остальных вопросительным взглядом.

- Нет... В общем, нет.

- Долго здесь пробыл?

- Минут двадцать.

Выйдя на улицу, Мегрэ увидел, что около раненого остановился велопатруль - двое полицейских в промокших накидках.

- Ничего не могу сделать, - поднялся с корточек Пардон. - Его несколько раз пырнули ножом. Сердце не задето. На первый взгляд, ни одна артерия не перерезана, иначе было бы больше крови.

- В сознание придет?

- Не знаю. Боюсь его трогать. Когда он будет в больнице...

Две машины - полицейская и "скорая помощь" - прибыли почти одновременно. Картежники, боясь промокнуть, стояли на пороге кафе и издали наблюдали за происходящим. Подошел только хозяин, прикрыл голову и плечи мешком. Он сразу же узнал куртку.

- Это он...

- Он вам ничего не говорил?

- Нет, только заказал коньяк.

Пардон инструктировал санитаров, которые вытаскивали носилки.

- А это что такое? - спросил один из полицейских, указывая на черный предмет, похожий на фотоаппарат.

Раненый носил его на ремешке через плечо. Это был не фотоаппарат, а кассетный магнитофон. Его мочил дождь, и, когда человека стали укладывать на носилки, Мегрэ воспользовался случаем и расстегнул ремешок.

- В больницу Сент-Антуан.

Пардон вместе с одним из санитаров залез в машину, другой сел за руль.

- Вы кто? - спросил он у Мегрэ.

- Полицейский.

- Садитесь тогда рядом со мной.

На улицах было пустынно; не прошло и пяти минут, как "скорая", за которой ехала полицейская машина, остановилась перед больницей Сент-Антуан. Здесь тоже Мегрэ вспомнил многое: белый плафон перед входом в приемный покой, длинный, плохо освещенный коридор, где несколько посетителей покорно и молча сидели на скамейках, вздрагивая всякий раз, когда открывалась дверь и из нее выходил кто-нибудь в белом.

- Имя и адрес знаете? - осведомилась немолодая женщина, сидевшая в стеклянной кабинке с окошечком.

- Пока нет.

Из коридора вышел практикант-медик, вызванный звонком, и с сожалением погасил сигарету. Пардон представился.

- Вы ничего не делали?

Раненого уложили на каталку и повезли к лифту; Пардон, шедший следом, издали сделал Мегрэ неопределенный знак, как бы желая сказать: "Скоро вернусь".

- Вам что-нибудь известно, господин комиссар?

- Не больше, чем вам. Я обедал у приятеля-врача, который живет в этом квартале, когда к нему пришли и сказали, что на улице Попенкур лежит раненый.

Полицейский делал заметки в блокноте. В неуютном молчании прошло минут десять, потом в коридоре появился Пардон. Это был дурной знак. Лицо у доктора было озабоченное.

- Умер?

- Прежде чем успели раздеть. Кровоизлияние в плевральную полость. Я заподозрил это, как только услышал его дыхание.

- Ножевые ранения?

- Да, несколько. Довольно тонким лезвием. Сейчас вам принесут содержимое его карманов. Его, вероятно, отвезут в Институт судебно-медицинской экспертизы?

Этот Париж был хорошо знаком Мегрэ. Комиссар прожил в нем много лет, но до конца так к нему и не привык. Что он тут делает? Ножевое ранение, несколько ножевых ранений - это его не касается. Такое случается каждую ночь, а утром сводится к нескольким строчкам в ежедневной сводке происшествий. Однако этим вечером он по воле случая оказался на первом плане и внезапно почувствовал, что происшедшее ему небезразлично. Итальянец, который готовил лапшу, не успел рассказать, что он видел. Кажется, они с женой возвращались домой. Жили они на антресолях над лавкой.

К их маленькой группе подошла медсестра с корзиной в руке.

- Кто ведет следствие?

Полицейские в штатском посмотрели на Мегрэ, и сестра обратилась к нему:

- Вот все, что нашли у него в карманах. Вам следует написать расписку.

Небольшой бумажник, из тех, что суют в задний карман, шариковая ручка, трубка, кiset с очень светлым голландским табаком, мелочь и две магнитофонные кассеты. В бумажнике лежали удостоверение личности и водительские права на имя Антуана Батийля, 21 года, проживающего на набережной Анжу, в Париже. Это на острове Сен-Луи, недалеко от моста Мари. Кроме того, в бумажнике был студенческий билет, - Послушайте, Пардон, передайте моей жене, чтобы она возвращалась домой и ложилась спать.

- Вы поедете к нему?

- Естественно. Он, конечно, живет с родителями, и я должен поставить их в известность. -

Мегрэ повернулся к полицейским:

- Допросите Пальятти, итальянца-бакалейщика с улицы Попенкур, и четверых мужчин, игравших в карты в кафе "У Жюля", если они еще не ушли.

Он, как всегда, сожалел, что не может все сделать сам. Ему хотелось бы очутиться сейчас на улице Попенкур, где плафон над входом в кафе виднеется словно в тумане и картежники, наверное, вновь сели за игру. Хотелось бы расспросить итальянца, его жену, а может, и маленькую старушку, которую он мельком заметил в освещенном окне второго этажа. Стояла ли она у окна, когда произошла драма? Но прежде всего, нужно сообщить родителям. Он позвонил дежурному инспектору XI округа и известил его о происшедшем.

- Очень мучился? - спросил Мегрэ у Пардона.

- Не думаю. Он сразу потерял сознание. Там, на тротуаре, я не мог даже попытаться что-нибудь сделать.

Бумажник был из крокодиловой кожи прекрасной выделки, шариковая ручка - серебряная, на платке вручную вышита метка "А".

- Не будете любезны вызвать мне такси, сестра?

Она выполнила просьбу, не выказав при этом ни тени любезности. Оно верно - мало хорошего проводить ночи напролет в таком мрачном месте, ожидая, когда случившиеся в квартале драмы выплеснутся у двери больницы.

Такси, словно по волшебству, подъехало уже минуты через три.

- Я вас подброшу, Пардон.

- Долго не задерживайтесь.

- Знаете, я еду с таким известием...

Мегрэ хорошо знал остров Сен-Луи: когда-то они с женой жили на Вогезской площади и часто по вечерам гуляли под руку по острову.

У ворот, выкрашенных в зеленый цвет, он позвонил. Вдоль тротуара стояли машины, почти все - самых шикарных марок. В воротах открылась маленькая дверца.

- Господина Батийля, пожалуйста, - сказал Мегрэ в маленькое окошко.

- Третий этаж, налево, - кратко ответил заспанный женский голос.

Комиссар вошел в лифт; вода, стекавшая с его пальто и брюк, образовала лужу у ног. Дом, как большинство зданий на острове, был перестроен заново. Стены были из белого камня, повсюду резные бронзовые торшеры. На мраморной лестничной площадке лежал соломенный коврик с большой красной буквой "Б".

Мегрэ нажал кнопку и где-то очень далеко услышал звонок; прошло довольно много времени, прежде чем бесшумно отворилась дверь. На него с любопытством смотрела молоденькая горничная в кокетливом форменном платье.

- Мне нужно поговорить с господином Батийлем.
- С отцом или сыном?
- С отцом.
- Господа еще не вернулись и не знаю, когда вернутся. - Увидев полицейский жетон, она осведомилась:

- В чем дело?
- Комиссар Мегрэ, полиция.
- И вы пришли к хозяину в такое время? Он вас ждет?
- Нет.
- Это настолько срочно?
- Очень важно.
- Но уже почти полночь... Хозяин с женой в театре.
- В таком случае они должны скоро вернуться.
- Если потом не пойдут ужинать с друзьями. Так часто бывает.
- Господин Батийль-младший ушел вместе с ними?
- Он никогда не ходит вместе с ними.

Мегрэ почувствовал, что горничная в затруднении. Она не знает, что с ним делать, а он, видимо, выглядит довольно жалко: вода течет с него в три ручья. Он заметил просторный холл, выстланный голубовато-зеленым ковром.

- Раз это вправду так срочно... - решила она. - Давайте пальто и шляпу. - Потом с тревогой взглянула на его ботинки, но не осмелилась попросить его вытереть ноги. - Сюда, пожалуйста.

Повесив одежду в гардероб, она опять заколебалась, но так и не пригласила Мегрэ в большую гостиную, расположенную по левую руку.

- Не подождете ли здесь?

Он прекрасно ее понимал. Квартира была шикарная, по-женски изысканная. В гостиной белые кресла, на стенах Пикассо голубого периода, Ренуар и Мари Лорансен.

Молодая хорошенькая горничная явно недоумевала, оставить ей Мегрэ одного или наблюдать за ним: она не очень-то доверяла жетону, который он ей предъявил.

- Господин Батийль - предприниматель?
- А вы его не знаете?
- Нет.
- Вы не знаете, что он владелец косметической фирмы "Милена"?

Что он знал о косметике? И что мог узнать о ней от г-жи Мегрэ, которая лишь иногда пользовалась пудрой?

- Сколько ему лет?
- Года сорок четыре, может, сорок пять. Он так молодо выглядит...

Она покраснела - наверное, чуть-чуть влюблена в хозяина.

- А его жена?
- Наклонитесь немного и увидите ее портрет над камином.

Голубое вечернее платье. Голубое и розовое, видимо, цвета этого дома, как и полотен Мари Лорансен.

- Кажется, лифт...

У горничной невольно вырвался вздох облегчения.

***

Она подбежала к двери и вполголоса заговорила с хозяевами. Молодая, элегантная и на вид беззаботная пара, вернувшаяся из театра домой, они издали бросали взгляды на незнакомца в намокших брюках и ботинках, который, пытаясь скрыть смущение, неловко поднялся со стула. Мужчина скинул серый плащ, под которым был смокинг; у его жены под леопардовым манто было вечернее серебристое платье. От Мегрэ их отделяло метров десять. Батийль быстро и энергично подошел первым, жена - за ним.

- Мне сказали, вы комиссар Мегрэ? - негромко осведомился он, нахмутив брови.

- Верно.

- Если не ошибаюсь, вы возглавляете отдел Уголовной полиции?

Последовала короткая неловкая пауза, во время которой г-жа Батийль пыталась догадаться, в чем дело; она уже не была в том беззаботном настроении, как несколько мгновений назад, когда перешагнула порог.

- Странно! В такое время... Вы, случайно, не по поводу моего сына?

- Вы ждете неприятных известий?

- Вовсе нет. Но давайте не здесь. Пройдем в кабинет.

Кабинет был последним в ряду комнат, выходящих в гостиную. Впрочем, настоящий кабинет Батийля находился, видимо, в другом месте - в здании фирмы "Милена", мимо которого Мегрэ часто проезжал по авеню Матиньон. Стены кабинета были заставлены книжными шкапами из очень светлого дерева - лимонного или кленового. Светло-бежевые кожаные кресла, такой же бювар на письменном столе. Рядом - фото в серебряной рамке: г-жа Батийль и две детские головки - мальчик и девочка.

- Садитесь. Давно меня ждете?

- Всего минут десять.

- Не хотите ли выпить?

- Нет, благодарю.

Казалось, теперь уже мужчина оттягивает момент, когда ему придется выслушать комиссара.

- Вам не приходилось тревожиться за сына? Батийль на секунду задумался.

- Нет. Он спокойный, сдержанный парень, может быть, даже слишком.

- Что вы думаете о его знакомствах?

- Практически он ни с кем не общается. В отличие от сестры, которой только восемнадцать: вот она легко завязывает знакомства. У него нет ни друзей, ни приятелей. С ним что-то стряслось?

- Да.

- Несчастный случай?

- Если это можно так назвать. Сегодня вечером на темной улице Попенкур на него напали.

- Он ранен?

- Да.

- Тяжело?

- Он мертв.

Мегрэ предпочел бы их не видеть, не присутствовать при этом жестоком ударе. Светская пара, полная уверенности и непринужденности, исчезла. Их одежда вдруг перестала быть творением знаменитых модельеров. Даже квартира потеряла свою элегантность и обаяние. Перед комиссаром

сидели мужчина и женщина, раздавленные и все еще отказывающиеся поверить в подлинность того, что им сообщили.

- Вы уверены, что это мой ..

- Антуан Батийль, не так ли? - спросил Мегрэ и протянул еще влажный бумажник.

- Да, бумажник его. - Мужчина машинально закурил. Руки у него дрожали. Губы тоже. - Как это произошло?

- Он вышел из маленького бара для завсегдатаев. Прошел под ливнем метров пятьдесят, и тут кто-то сзади нанес ему несколько ударов ножом.

Лицо женщины исказилось, словно ее ударили. Муж обнял ее за плечи, хотел что-то сказать, но не смог. Да и что говорить?

- Задержать удалось?.. - спросил он, лишь бы не молчать.

- Нет.

- Умер сразу?

- Как только привезли в больницу Сент-Антуан.

- Мы можем его увидеть?

- Советую ехать туда не сейчас, а дождаться завтрашнего утра.

- Мучился?

- Врач говорит, нет.

- Пойди ляг, Мартина. Или хотя бы подожди в спальне, - осторожно, но решительно он вывел ее из комнаты. - Я сейчас вернусь, комиссар.

Батийль отсутствовал с четверть часа; когда он вернулся, лицо его было бледное, изможденное, взгляд - отсутствующий.

- Садитесь, прошу вас.

Он выглядел маленьким, худощавым, нервным. Казалось, Мегрэ угнетает его своим ростом и плотностью.

- Так и не хотите выпить? - открыв небольшой бар, Батийль достал бутылку и два стакана. - Не стану скрывать: мне это сейчас необходимо. - Он приготовил себе виски и, наливая во второй стакан, спросил:

- Вам содовой побольше? - после чего сразу продолжил:

- Не понимаю. Не могу понять. Антуан ничего от меня не скрывал, да ему и нечего было скрывать. Он был... Больно говорить о нем в прошедшем времени, но придется привыкать. Он был студентом, изучал в Сорбонне литературу. Не входил ни в какие группировки, совершенно не интересовался политикой.

Опустив руки, он уставился на светло-коричневый ковер и проговорил, словно рассуждая вслух:

- Убили... Но за что? За что?

- Чтобы попробовать выяснить это, я и пришел. Батийль посмотрел на Мегрэ так, словно впервые его заметил.

- А почему вы лично занимаетесь этим? Ведь для полиции это рядовое происшествие, верно?

- По воле случая я оказался почти рядом.

- Вы ничего не видели?

- Нет.

- И никто ничего не видел?

- Никто, кроме итальянца-бакалейщика, который возвращался с женою домой. Я принес вам вещи, обнаруженные в карманах вашего сына, но забыл магнитофон.

Отец, казалось, сначала не понял, потом выдавил:

- А... Ладно. - И чуть не улыбнулся:

- Это была его страсть. Вам, конечно, будет смешно... Мы с его сестрой тоже над ним подшучивали. Некоторые бредят фотографией и охотятся за интересными лицами даже под мостами. А Антуан собирал голоса людей. Частенько убивал на это целые вечера. Заходил в кафе, на вокзалы - в любые места, где много людей, и включал магнитофон. Он носил его на животе, и многие принимали его за фотоаппарат. А в руке прятал миниатюрный микрофон.

Наконец-то у Мегрэ появилась хоть какая-то зацепка.

- У него никогда не было неприятностей из-за этого?

- Только однажды. Это случилось в баре неподалеку от площади Терн. Двое мужчин стояли у стойки, а Антуан, облокотившись рядом, незаметно записывал. "Ну-ка, мальчик, - сказал вдруг один из мужчин, отобрал магнитофон, вынул кассету и пригрозил:

- Не знаю, что это за игра, но если мы еще как-нибудь встретимся в темном уголке, постарайся быть без этой машинки".

- Думаете, что... - отпив глоток, спросил Жерар Батийль.

- Все может быть. Нельзя пренебрегать никакой версией. Он часто ходил на охоту за голосами?

- Два-три раза в неделю, всегда вечером.

- Один?

- Я же говорил, друзей у него не было. Он называл эти записи человеческими документами.

- И много их у него?

- Может сотня, может больше. Время от времени он их прослушивал, менее интересные стирал. Как вы считаете, в котором часу завтра ..

- Я предупрежу в больнице. Во всяком случае, не раньше восьми утра.

- Мне можно будет привезти тело сюда?

- Не сразу.

Отец понял, и лицо его посерело еще больше: он подумал о вскрытии.

- Извините, господин комиссар, но я...

Он едва держался. Ему нужно было остаться одному, может быть, пойти к жене, может быть, поплакать или посидеть в тишине, выкрикивая бессвязные слова.

- Не знаю, в котором часу вернется Мину, - произнес он, словно обращаясь к самому себе.

- Кто это?

- Его сестра. Ей всего восемнадцать, но живет она на свой лад. Вы, наверное, пришли в пальто?

Когда Мегрэ зашел в гардероб, появилась горничная, помогла ему натянуть промокшее пальто и подала шляпу. Он спустился по лестнице, прошел через маленькую дверь, очутился на улице и немного постоял, глядя на дождь. Ветер ослабел, шквалы дождя были уже не так свирепы. Попросить разрешения вызвать такси по телефону Батийлей комиссар не осмелился. Втянув голову в плечи, он перешел через мост Мари, свернул в узкую улочку Сен-Поль и у метро увидел, наконец, стоянку такси.

- Бульвар Ришар-Ленуар.

- Понятно, шеф.

Водитель был из тех, кто его знал, почему и не стал возражать против короткого рейса. Выходя из машины, Мегрэ поднял голову и увидел свет в окнах своей квартиры. Когда он одолел последний лестничный пролет, дверь открылась.

- Не простудился?

- Кажется, нет.

- Я вскипятила воду для грога. Садись. Я помогу тебе разуться.

Носки промокли насквозь. Жена пошла за его домашними туфлями.

- Пардон рассказал нам, в чем дело. Интересно, как отреагировали родители? Почему поехал к ним ты?

- Не знаю.

Он занялся этим делом непроизвольно - потому что оказался в гуще событий, потому что оно напомнило ему годы, проведенные на улицах ночного Парижа.

- Сперва они даже не поняли. А вот сейчас наверняка сломались.

- Они молоды?

- Ему за сорок пять, но, по-моему, меньше пятидесяти. Жене нет и сорока, очень хорошенькая. Ты знаешь духи "Милена"?

- Конечно. Их все знают.

- Так вот, это их фирма.

- Они очень богаты. У них замок в Солони, яхта в Канне, они дают роскошные приемы.

- Откуда тебе-то известно?

- Не забывай: мне приходится часами дожидаться тебя, и я читаю иногда газетные сплетни.

Она плеснула в стакан рома, добавила сахарной пудры, положила ложечку, чтобы стакан не треснул, и налила кипятку.

- Ломтик лимона?

- Не надо.

Вокруг было тесно, но уютно. Мегрэ огляделся, словно возвратился из долгого путешествия.

- О чем ты думаешь?

- Как ты сказала, они очень богаты. Квартира роскошная - я таких и не видел. Они вернулись из театра, были оживлены. Увидели, что я сижу в холле. Горничная тихонько сказала им, кто я.

- Раздевайся.

Все же дома лучше всего. Мегрэ надел пижаму, почистил зубы и четверть часа спустя, немного возбужденный грогом, лежал рядом с г-жой Мегрэ.

- Спокойной ночи, - сказала она, приблизив к нему лицо.

Он поцеловал ее, как делал это вот уже столько лет, и прошептал:

- Спокойной ночи.

- Как обычно?

Это означало: "Я разбужу тебя как обычно в половине восьмого и принесу кофе".

Он неразборчиво пробормотал "да", уже проваливаясь в сон. Ему ничего не снилось. А если и снилось, то сны не запоминались. И сразу же наступило утро. Пока он сидел в постели с чашкой кофе, жена отдернула шторы, и Мегрэ попытался проникнуть взглядом сквозь тюлевую занавеску.

- Дождь все еще льет?

- Нет, но судя по тому, что люди идут, засунув руки в карманы, весна еще не наступила - что бы там ни говорил календарь.

Было 19 марта. Среда, Еле успев влезть в халат, Мегрэ принялся звонить в больницу Сент-Антуан; ему пришлось приложить нечеловеческие усилия, чтобы связаться с больничным начальством.

- Да... Мне хотелось бы, чтобы его поместили в отдельную палату... Прекрасно знаю, что он умер. Но это не основание заставлять родителей ходить по подвалам. Через час-другой они приедут. После их посещения тело увезут в Институт судебно-медицинской экспертизы... Да. Можете не бояться: родители заплатят... Ну, конечно... Они заполнят все, что вам нужно.

Он уселся напротив жены, съел два рогалика и выпил еще чашку кофе, рассеянно глядя на улицу. Низкие тучи по-прежнему бежали по небу, но у них уже не было того противоестественного оттенка, что накануне. Все еще сильный ветер раскачивал ветви деревьев.

- У тебя уже есть какие-нибудь соображения насчет ..

- Ты же знаешь, у меня никогда не бывает соображений.

- Я знаю также, что если они и бывают, ты все равно о них не рассказываешь. Ты не находишь, что Пардон плохо выглядит?

- Тебя это тоже удивило? Он не только устал, но и пал духом. Вчера наговорил о своей профессии такого, чего раньше я от него никогда не слышал.

В девять Мегрэ из своего кабинета соединился с комиссариатом XI округа.

- Говорит Мегрэ. Это вы, Лувель? - узнал он по голосу.

- Вы, видимо, насчет магнитофона?

- Да. Он у вас?

- Демари подобрал его и принес сюда. Я боялся, что дождь повредил аппарат, но он работает. Непонятно, зачем мальчишка записывал все эти разговоры.

- Можете прислать его мне сегодня утром?

- Вместе с донесением, которое допечатают через несколько минут.

Почта. Циркуляры. Вчера вечером он не сказал Пардону, что тоже подавлен лавиной административных бумаг.

Потом он отправился в кабинет начальника на доклад. В нескольких словах рассказал о том, что произошло накануне, поскольку Жерар Батийль был человек известный, и дело могло вызвать много шума. Действительно, возвращаясь к себе в кабинет, комиссар наткнулся на группу журналистов и фотографов.

- Вы в самом деле почти присутствовали при убийстве?

- Просто я достаточно быстро прибыл на место преступления, потому что находился неподалеку.

- Этот парень, Антуан Батийль, в самом деле сын фабриканта косметики?

Откуда прессе все известно? Неужели слухи просочились из комиссариата?

- Привратница утверждает...

- Какая привратница?

- С набережной Анжу.

Мегрэ ее даже не видел. Не назвал ей ни своего имени, ни должности. Проболталась, разумеется, горничная.

- Родителям сообщили вы?

- Да.

- Как они реагировали?

- Как люди, узнавшие, что их сына только что убили.

- Они кого-нибудь подозревают?
- Нет - Не думаете ли вы, что это дело может оказаться политическим?
- Наверняка нет - Тогда любовная история?
- Не думаю.
- У него ведь ничего не взяли, правда?
- Нет.
- Ну так что же?
- Ничего, господа. Расследование только началось; когда будут результаты, я вам сообщу.
- Вы видели дочку?
- Какую дочку?
- Мину, дочку Батийля. Ее, кажется, хорошо знают в определенных кругах...
- Нет, я ее не видел.
- Она водится со всякими шалопаями...
- Спасибо, что сказали, но речь идет не о ней.
- Как знать, не правда ли?

Раздвинув журналистов, комиссар толкнул дверь в кабинет и закрыл ее за собой. Постоял у окна, набил трубку и открыл дверь в инспекторскую. Собрались еще не все. Одни звонили по телефону, другие печатали донесения.

- Занят, Жанвье?
- Допечатаю еще две строчки и все, шеф.
- Потом зайди ко мне.

В ожидании Жанвье Мегрэ позвонил судебно-медицинскому эксперту, сменившему его старого друга доктора Поля.

- Вам привезут его днем. Это срочно, да, и не столько потому, что я жду результатов вскрытия, сколько из-за нетерпения его родителей. По возможности, не очень его уродуйте. Да... Вот именно... Вы все правильно понимаете. Перед гробом пройдет почти целый справочник "Весь Париж". У меня в коридоре уже толкуются журналисты.

Прежде всего нужно съездить на улицу Попенкур. Накануне Джино Пальятти успел рассказать немного, а его жене и рта не удалось раскрыть. Потом есть некий Жюль и трое других картежников. Кроме того, Мегрэ вспомнил старушку, силуэт которой заметил в окне.

- В чем дело, шеф? - спросил Жанвье, входя в кабинет.
- Есть во дворе свободная машина?
- Надеюсь.
- Отвезешь меня на улицу Попенкур. Это недалеко от улицы Шмен-Вер. Я покажу.

Жена была права - Мегрэ заметил это, ожидая во дворе машину: холодно, как в декабре.

Глава 2

Мегрэ понимал: Жанвье несколько удивлен, что комиссар придает этому делу такое значение. Каждую ночь в Париже регистрировались случаи поножовщины, в основном в густонаселенных кварталах, и при обычных обстоятельствах газеты посвятили бы трагедии на улице Попенкур лишь несколько строк в рубрике "Происшествия".

"Вооруженное нападение. Вчера около половины одиннадцатого вечера, на улице Попенкур, Антуан Б., студент, 21 года, получил несколько ножевых ранений. Вероятно, попытка ограбления; чета торговцев из этого квартала своим появлением помешала грабителю. Антуан Б, скончался вскоре после того, как его привезли в больницу Сент-Антуан".

Только вот фамилия Антуана Б. - Батийль, и жил он на набережной Анжу. Отец его был известной личностью, упоминался во "Всемирном Париже", а духи "Милена" знали практически все.

Маленькая черная машина уголовной полиции пересекла площадь Республики, и Мегрэ очутился у себя в квартале - лабиринте узких, густонаселенных улочек между бульварами Вольтер с одной стороны и Ришар-Ленуар - с другой. Они с г-жой Мегрэ шагали по этим улочкам всякий раз, когда отправлялись обедать к Пардонам, а на улицу Шмен-Вер г-жа Мегрэ часто ходила за покупками. Именно у Джино, как они запросто его называли, она покупала не только пироги, но и болонскую колбасу, миланский окорок и оливковое масло в больших золотистых жестяных банках. Лавки в квартале были тесные, узкие, полутемные. В этот день над городом низко нависли тучи, и почти везде горело электричество; в его свете лица казались восковыми.

Множество старух. Множество немолодых одиноких мужчин с корзинами для провизии в руках. В выражении лиц - покорность судьбе. Кое-кто иногда останавливается и подносит руку к сердцу, ожидая, когда пройдет спазм. Женщины всех национальностей: на руках младенец, за платье держится мальчик или девочка.

- Останови здесь и пойдём.

Они начали с Пальятти. Лючия обслуживала троих покупателей.

- Муж в задней комнате. Вон в ту дверь. Джино готовил равиоли на длинной мраморной доске, посыпанной мукой.

- А, комиссар! Я так и думал, что вы зайдёте. - Голос у него звонкий, на лице - непринужденная улыбка. - Это правда, что бедняга умер?

В газетах об этом еще ничего не было.

- Кто вам сказал?

- Один журналист, что был здесь минут десять назад. Он меня сфотографировал; в газете поместят мой портрет.

- Повторите, пожалуйста, все, что говорили вчера вечером, только более подробно. Вы возвращались от шурина...

- Да, они ждут ребенка. Это на улице Шарон. У нас на двоих был один зонтик - все равно, когда мы идем по улице, Лючия всегда берет меня под руку. Вы помните, какой был дождь? Прямо буря. Несколько раз мне казалось, что зонтик вот-вот вырвется из рук, и я держал его перед собой, как щит. Потому я и не заметил его раньше.

- Кого?

- Убийцу. Он, видимо, шел несколько впереди нас, но у меня была одна забота-дождь и лужи... А может, он прятался в каком-нибудь подъезде...

- И вы его заметили...

- Уже дальше, за кафе; там еще горел свет.

- Разглядели, как он был одет?

- Вчера вечером мы говорили об этом с женой. Нам обоим показалось, что на нем был светлый непромокаемый плащ с поясом. Он шел легкой походкой, очень быстро.

- Преследовал молодого человека в куртке?

- Нет, шел быстрее, словно хотел нагнать или обогнать его.

- На каком расстоянии от них вы находились?

- Может, метрах в ста... Я могу показать.

- Тот, кто шел первым, не оборачивался?

- Нет. Другой его догнал. Я видел, как он поднял руку и опустил... Ножа я не заметил... Он ударил несколько раз, и парень в куртке упал ничком на тротуар. Убийца зашагал по направлению к улице Шмен-Вер, но потом вернулся. Он, наверное, нас видел - мы были уже метрах в шестидесяти. Но все же наклонился и нанес еще несколько ударов.

- Вы не погнались за ним?

- Знаете, я довольно полный, к тому же у меня эмфизема. Мне трудно бегать, - смутился и покраснел Джино. - Мы пошли быстрее, а он тем временем завернул за угол.

- Шума отъезжающей машины не слышали?

- Пожалуй, нет... Не обратил внимания. Жанвье машинально, без всяких указаний Мегрэ, стенографировал.

- Вы подошли к раненому и...

- Вы видели то же, что и я. Куртка в нескольких местах была разорвана, на ней выступила кровь. Я тут же вспомнил о докторе и бросился к господину Пардону, а Лючия велел оставаться на месте.

- Почему?

- Не знаю. Мне показалось, что оставлять его одного нельзя.

- Жена рассказала что-нибудь, когда вы вернулись?

- Пока я бегал, мимо никто как нарочно не проходил.

- Раненый что-нибудь говорил?

- Нет. Дышал с трудом, в груди что-то булькало. Лючия может подтвердить, но сейчас она очень занята.

- Больше ничего не припомните?

- Ничего. Я рассказал все, что знаю.

- Благодарю вас, Джино.

- Как поживает госпожа Мегрэ?

- Спасибо, хорошо.

Сбоку от лавки узкий проход вел во двор; там в застекленной мастерской работал паяльщик. В квартале было много таких дворов и тупиков, где трудились мелкие ремесленники.

Они пересекли улицу, прошли немного, и Мегрэ открыл дверь кафе "У Жюля". Днем там было почти так же темно, как вечером, и горел молочный плафон. У стойки, облокотившись, стоял неуклюжий мужчина, между брюками и жилетом виднелась выбившаяся рубашка. У него был яркий цвет лица, жирный загривок и двойной подбородок, похожий на зоб.

- Что прикажете, господин Мегрэ? Стаканчик сансерского? Его прислал мне двоюродный брат, который...

- Два, - ответил Мегрэ, в свой черед облокотившись о стойку.

- Сегодня вы уже не первый.

- Был газетчик, знаю.

- Он снял меня, как сейчас, с бутылкой в руке... Познакомьтесь, это Лебон. Тридцать лет проработал в дорожной службе. Потом попал в аварию и сейчас получает пенсию да еще немного за поврежденный глаз. Вчера вечером он был здесь.

- Вы вчетвером играли в карты, верно?

- Да, в манию. Как каждый вечер, кроме воскресений. В воскресенье кафе закрыто.

- Вы женаты?
- Хозяйка наверху, больна.
- В котором часу пришел молодой человек?
- Часов в десять...

Мегрэ взглянул на стенные часы.

- Не обращайтесь внимания. Они на двадцать минут вперед... Он сначала приоткрыл немного дверь, словно хотел посмотреть, что это за заведение. Игра была шумной. Мясник выигрывал, а он, когда выигрывает, начинает всех задевать, твердит, что никто, кроме него, играть не умеет...

- Молодой человек вошел. А потом?

- Я со своего места спросил, что он будет пить; он, помедлив, осведомился: "У вас есть коньяк?" Я разыграл четыре карты, которые оставались у меня на руках, и прошел за стойку. Наливая коньяк, я заметил, что у него на животе висит черная треугольная коробочка, и подумал, что это, должно быть, фотоаппарат. Иногда сюда забредают туристы, правда, редко... Я вернулся за стол. Сдавал Бабеф. Молодой человек, казалось, не спешил. Игра его тоже не интересовала.

- Он был чем-то озабочен?

- Нет.

- Не посматривал на дверь, как если бы ждал кого-то?

- Не заметил.

- Или словно боялся, что кто-нибудь появится?

- Нет. Стоял, облокотясь о стойку, и время от времени пригубливал коньяк.

- Какое он произвел на вас впечатление?

- Он показался мне размазней. Знаете, нынче часто встречаются такие - длинноволосые, в куртках... Мы продолжали играть, не обращая на него внимания; Бабеф взвинчивался все больше и больше - ему пошла карта. "Пойди-ка лучше погляди, чем занимается твоя жена", - пошутил Лебон. "За своей присматривай: она у тебя молоденькая и..." - Мне на секунду показалось, что они сцепятся, но, как всегда, обошлось. Бабеф выиграл. "Что ты на это скажешь?" - обрадовался он. Тут Лебон, который сидел на скамейке рядом со мной, толкнул меня локтем и глазами указал на клиента, стоящего у стойки. Я посмотрел и ничего не понял. Казалось, он смеялся про себя. Правда, Франсуа? Мне было интересно, что ты хотел мне показать. Ты прошептал: "Он только что..."

Рассказ продолжил мужчина с неподвижным взглядом.

- Я заметил, как он что-то передвинул на своем аппарате... У меня есть племянник, ему на Рождество подарили такую же штуковину, и он развлекается, записывая разговоры родителей... Этот парень смиренно стоял со своей рюмкой, а сам слушал, что мы говорим, и записывал.

- Интересно, зачем ему это было надо, - проворчал Жюль.

- Просто так. Как мой племянник. Записывает, потому что нравится записывать, а после из головы вон. Однажды он дал послушать родителям их ссору, и брат едва не сломал ему магнитофон: "Погоди, сопляк, вот отниму..." У Бабефа тоже лицо перекошилось бы, если б ему дали послушать, как он вчера бахвалился.

- Сколько времени молодой человек пробыл у вас?

- Чуть меньше получаса.

- Выпил только рюмку?

- Даже чуток на дне оставил.

- Потом ушел, и вы больше ничего не слышали?

- Ничего. Только ветер выл да вода из водосточной трубы хлестала.

- А до него кто-нибудь заходил?

- Видите ли, вечером я не закрываю только из-за нескольких завсегдатаев, которые приходят поиграть. Вот утром народу много: забегают съесть рогалик, выпить чашку кофе или стакан белого виши. В половине одиннадцатого у рабочих на соседней стройке перерыв... Ну, а в полдень и вечером самая работа - аперитив.

- Благодарю вас.

Жанвье стенографировал и здесь, и хозяин бистро поминутно поглядывал на него.

- Ничего нового он не рассказал, - вздохнул Мегрэ, - только подтвердил то, что я уже знаю.

Они вернулись к машине. Несколько женщин наблюдали за ними: им было уже известно, кто эти двое.

- Куда, шеф?

- Сперва на службу.

И все же два визита на улице Попенкур принесли пользу. Прежде всего, неаполитанец рассказал о нападении. Сначала преступник нанес несколько ударов. Потом побежал, но по какой-то таинственной причине вернулся, несмотря на то что недалеко находилась чета Пальятти. Зачем? Чтобы добить жертву еще несколькими ударами? Он был одет в светлый непромокаемый плащ с поясом - вот все, что о нем известно. Едва войдя в свой теплый кабинет на набережной дез Орфевр, Мегрэ сразу набрал номер лавки Пальятти.

- Можно поговорить с вашим мужем? Это Мегрэ ..

- Сейчас позову, господин комиссар.

- Алло! Слушаю! - послышался голос Джино.

- Знаете что... Я забыл задать вам один вопрос. На убийце был головной убор?

- Журналист только что спросил меня в точности о том же самом. Уже третий за утро. Я задал этот вопрос жене... Она так же, как я, ничего не утверждает, но почти уверена, что на нем была темная шляпа. Понимаете, все произошло так быстро...

Судя по светлому плащу с поясом, убийца был довольно молод, однако наличие шляпы делало его несколько старше: мало кто из молодежи носит теперь шляпы.

- Скажи, Жанвье, ты разбираешься в этих штуковинах?

Сам Мегрэ ничего не понимал в магнитофонах - так же как в фотографии и автомобилях, поэтому их машину водила жена. Переключать по вечерам телевизионные программы - вот максимум, на который он был способен.

- У сына такой же.

- Смотри, не сотри запись.

- Не бойтесь, шеф.

Жанвье, улыбаясь, манипулировал с кнопками. Послышался гул, звяканье вилок о тарелки, невнятные далекие голоса.

- Что прикажете, мадам?

- У вас есть отварная говядина?

- Конечно, мадам.

- Принесите, только положите побольше лука и корнишенов.

- Ты же знаешь, что сказал врач. Никакого уксуса.

- Бифштекс и отварная говядина, лука и корнишенов побольше. Салат подать сразу?

Запись была далека от совершенства; посторонние шумы мешали разбирать слова. Тишина. Потом очень отчетливый вздох.

- Потом те двое, о которых упоминалось, Люсьен и Гувьон. Через полчаса после этой записи на Антуана напали на улице Попенкур.

- Только вот магнитофон почему-то не отняли.

- Может, испугались Пальятти?

- Когда мы были на улице Попенкур, я забыл одну вещь. Вчера вечером у окна на втором этаже я заметил старушку - это почти напротив того места, где было совершено нападение.

- Ясно, шеф. Я еду?

Оставшись один, Мегрэ подошел к окну. Батийли, наверное, уже побывали в больнице Сент-Антуан, и судебный врач не замедлил забрать тело. Мегрэ еще не встретился с сестрой покойного, которую дома называли Мину и у которой, похоже, были странные знакомства. По серой Сене медленно двигался караван барж; проходя под мостом Сен-Мишель, буксиры опускали трубы.

В плохую погоду террасу огораживали застекленными переборками и отапливали двумя жаровнями. В довольно большом зале вокруг бара в форме подковы стояли крошечные столики и стулья - из тех, что вечером ставят один в другой.

Мегрэ устроился у колонны и заказал проходившему мимо официанту кружку пива. С отсутствующим видом он смотрел на окружавшие его лица. Публика была довольно разношерстная. У бара стояли даже мужчины в синих робах и живущие поблизости старики, пришедшие пропустить глоток красного. За столиками сидели самые разные люди: женщина в черном с двумя детьми и большим чемоданом у ног - как в зале ожидания на вокзале; парочка, которая держалась за руки и обменивалась самозабвенными взглядами; длинноволосые парни, ухмылявшиеся вслед официантке и заигрывавшие с ней всякий раз, когда она проходила мимо.

Клиентов обслуживали два официанта и эта официантка с удивительно некрасивым лицом. В черном платье и белом фартуке, тощая, сгорбленная от усталости, она с трудом изображала на лице слабую улыбку.

Некоторые мужчины и женщины одеты прилично, другие попроще. Одни едят бутерброды с кофе или пивом, другие пьют аперитив.

За кассой - хозяин: черный костюм, белая сорочка с черным галстуком, лысина, которую он тщетно пытается скрыть под редкими каштановыми волосами. Чувствуется, что он - на посту и ничего не ускользает от его взгляда. Он зорко следит за работой официантов и официантки, одновременно наблюдая, как бармен ставит бутылки и стаканы на поднос. Получая жетон, он нажимает на клавишу, и в окошечке кассы выскакивает цифра. Он явно содержит кафе уже давно, начал, вероятнее всего, с официанта. Позже, спустившись в туалет, Мегрэ обнаружит, что внизу есть еще один небольшой зал с низким потолком; там тоже сидело несколько посетителей.

Здесь не играли ни в карты, ни в домино. Сюда забегали ненадолго, и завсегдатаев было немного. Те, кто устроились за столиками поосновательней, видимо, просто назначили свидание близости и коротали тут время.

Наконец Мегрэ поднялся и направился к кассе, не питая никаких иллюзий относительно приема, который его ждет.

- Прощу извинить, - произнес он и незаметно показал лежащий в ладони жетон. - Комиссар Мегрэ, уголовная полиция.

Глаза хозяина хранили все то же подозрительное выражение, с которым он наблюдал за официантами и снующими туда и сюда посетителями.

- Что дальше?

- Вы вчера были здесь около половины десятого вечера?

- Я спал. По вечерам за кассой сидит жена.

- Официанты были те же? Хозяин не отрывал от них взгляда.

- Да.

- Я хотел бы задать им несколько вопросов насчет клиентов, которых они могли запомнить.

Черные глазки уставились на Мегрэ без особого сочувствия.

- У нас бывают только приличные люди, а официанты сейчас очень заняты.

- Я отниму у каждого не больше минуты. Официантка вчера тоже работала?

- Нет, Вечером народу меньше. Жером! Один из официантов резко остановился у кассы, держа поднос в руке. Хозяин повернулся к Мегрэ.

- Давайте, спрашивайте!

- Не заметили вы вчера, около половины десятого вечера, довольно молодого, лет двадцати, клиента в коричневой куртке и с магнитофоном на животе?

Официант посмотрел на хозяина, потом на Мегрэ и покачал головой.

- Не знаете ли вы завсегдатая, которого друзья зовут Мимиль?

- Нет.

Когда пришла очередь другою официанта, результат тоже оказался далеко не блестящим. Оба запинаясь, словно боялись хозяина, и было трудно понять, не врут ли они. Разочарованный Мегрэ вернулся за свой столик и заказал еще пива. Вот тут-то он и спустился в туалет, а затем обнаружил в нижнем зале третьего официанта, помоложе. Комиссар решил сесть и заказать пива.

- Скажите, вам приходится работать наверху?

- Через три дня на четвертый. Внизу мы работаем по очереди.

- А вчера вечером где вы были?

- Наверху.

- Вечером, около половины десятого, - тоже?

- До одиннадцати, пока не закрыли. У нас закрывают довольно рано: в такую погоду народу немного.

- Вы не заметили молодого человека с довольно длинными волосами? Замшевая куртка, на шее магнитофон?

- Так это был магнитофон?

- Значит, заметили?

- Да. Сейчас еще не туристский сезон. Я думал, это фотоаппарат, с какими ходят американцы. Потом еще один посетитель спрашивал...

- Какой посетитель?

- Их было трое - за соседним столиком. Когда молодой человек ушел, один из них посмотрел ему вслед с недовольством, беспокойно. Потом окликнул меня: "Послушай, Тото!" Меня, понятно, зовут не Тото - просто тут некоторые так выламываются. "Что этот тип пил?" - "Коньяк". - "Не видел, он пользовался своей машинкой?" - "Я не видел, чтобы он фотографировал". - "Фотографировал, как же. Это ж магнитофон, олух! Ты раньше этого типа видал?" - "Нет, сегодня впервые". - "А меня?" - "Кажется, я вас несколько раз обслуживал". - "Ладно. Подай еще раз то же самое".

Официант отошел: какой-то посетитель постучал монетой по столу. Официант взял у него деньги, отсчитал сдачу и помог надеть пальто. Потом вернулся к Мегрэ...

- Говорите, их было трое?

- Да. Тот, что меня обругал, - на вид самый внушительный из них. Мужчина лет тридцати пяти, сложен, как спортивный тренер, черноволос, черноглаз, густобров.

- Он действительно был здесь всего несколько раз?

- Да.

- А другие?

- Красномордый со шрамом довольно часто болтается в этом квартале и заходит сюда выпить рому у стойки.

- А третий?

- Я слышал, что приятели называли его Мимиль. Этого я знаю в лицо, адрес тоже знаю. Он рамочный мастер, у него лавка на улице Фобур-Сент-Антуан, почти на углу улицы Труссо, где я живу.

- Он часто бывает здесь?

- Не то чтобы часто, но заходит.

- Вместе с остальными?

- Нет, с маленькой блондинкой - она, похоже, тоже откуда-то отсюда: продавщица или что-то в этом роде.

- Благодарю. Больше ничего не хотите мне сказать?

- Нет. Если что-то вспомню или увижу их...

- В таком случае, позвоните мне в уголовную полицию. Мне или, если меня не будет, кому-нибудь из сотрудников. Как вас зовут?

- Жюльен. Жюльен Blond. Приятели зовут меня Блондинчик, потому что я среди них самый молодой. В их возрасте, надеюсь, буду заниматься чем-нибудь получше.

Мегрэ находился рядом с домом и не пошел завтракать в "Пивную Дофина", о чем немного сожалел. Ему было бы приятно взять туда с собой Жанвье и рассказать ему все, что он только что узнал.

- Что-нибудь обнаружил? - поинтересовалась жена.

- Еще не знаю, интересно ли это. Нужно искать во всех направлениях.

В два часа он собрал у себя в кабинете трех своих любимчиков инспекторов: Жанвье, Люкаса и молодого Лапуэнта, которого будут так называть и в пятьдесят лет.

- Жанвье, поставьте, пожалуйста, кассету. А вы оба хорошенько слушайте.

Когда началась запись, сделанная в кафе "Друзья", Люкас и Лапуэнт наострили уши.

- Я только что там был. Узнал профессию и адрес одного из троих, сидевших за столиком и шептавшихся. Прозвище его - Мимиль. Он рамочный мастер, лавочка его находится на улице Фобур-Сент-Антуан, не доходя несколько домов до улицы Труссо. - Мегрэ особенно не обольщался. На его взгляд, дело шло слишком быстро. - Вы двое установите наблюдение за его лавкой. Договоритесь, чтобы вечером вас сменили. Если Мимиль выйдет, следуйте за ним, лучше вдвоем. Если он с кем-то встретится, один из вас пойдет за вторым. Так же нужно действовать, если в лавку зайдет человек, не похожий на клиента. Иными словами, мне нужно знать, с кем он будет общаться.

- Ясно, шеф.

- Ты, Жанвье, подберешь фотографии мужчин лет тридцати пяти, черноволосых красавчиков, черноглазых, с густыми темными бровями. Снимков должно быть несколько, но речь может идти и о людях, которые не скрываются, не имеют судимости и не отбывали срок.

Оставшись один, Мегрэ позвонил в Институт судебно-медицинской экспертизы. К телефону подошел доктор Десаль.

- Говорит Мегрэ. Закончили вскрытие, доктор?

- Полчаса назад. Знаете, сколько раз парня пырнули ножом? Семь. И все в спину. Все ранения на уровне сердца, и все же оно не задето.

- Нож?

- Минутку. Лезвие не широкое, но длинное и остроконечное. По-моему, шведский, пружинный. Смертельное ранение только одно: пробито правое легкое, парень истек кровью.

- Что-нибудь еще можете добавить?

- Он был здоров, но атлетом его не назовешь. Из интеллектуалов, не слишком спортивных. Все органы в прекрасном состоянии. Небольшое содержание алкоголя в крови, но пьян не был. Выпил несколько рюмок, по-моему, коньяка.

- Благодарю, доктор.

Оставалась обычная рутина. Прокурор поручил дело следователю по имени Пуаре, с которым Мегрэ не приходилось работать. Еще один юнец. Мегрэ казалось, что штаты юстиции в течение нескольких лет обновились с поразительной быстротой. А может, в этом впечатлении виноват возраст комиссара? Он позвонил следователю; тот попросил его подняться к нему прямо сейчас, если он свободен. Мегрэ захватил отпечатанные Жанвье тексты разговоров, записанных на магнитофон.

Пуаре, по молодости лет, располагался пока что в одном из старых кабинетов. Мегрэ уселся на сломанный стул.

- Рад познакомиться, - любезно произнес следователь, высокий мужчина с ежиком светлых волос на голове.

- Я тоже, господин следователь. Само собой разумеется, я пришел поговорить о молодом Батийле.

Пуаре развернул газету: на первой полосе красовался заголовок на три колонки. Мегрэ заметил снимок молодого человека с еще короткой прической; он производил впечатление мальчика из хорошей семьи.

- Вы, кажется, виделись с родителями?

- Да, это я сообщил им о случившемся. Они вернулись из театра, оба были в вечерних туалетах. Входя в квартиру, чуть не напевали. Мне редко приходилось видеть, чтобы люди так быстро расклеивались.

- Единственный ребенок?

- Нет, есть еще восемнадцатилетняя сестра, которую им, похоже, нелегко держать в руках.

- Вы ее видели?

- Пока нет.

- Что у них за квартира?

- Очень просторная, богатая и в то же время веселая. Есть, кажется, старинная мебель, но ее немного. Обстановка современная, но не вызывающая.

- Они, должно быть, чрезвычайно богаты, - вздохнул следователь.

- Думаю, да.

- Газетная статья, на мой взгляд, слишком романтична.

- О магнитофоне упомянуто?

- Нет, а что магнитофон играет важную роль?

- Возможно... Впрочем, я пока не уверен. Антуан Батийль очень любил записывать разговоры на улицах, в ресторанах, кафе. Для него это были человеческие документы. Жил он довольно одиноко и по вечерам частенько выходил на охоту за ними, главным образом в густонаселенные кварталы. Вчера он начал с ресторана на бульваре Бомарше, где записал обрывки семейной сцены. Потом отправился в кафе на площади Бастилии; вот, что он там записал.

Мегрэ протянул листок следователю; тот нахмурился.

- Довольно подозрительно, не так ли?

- Очевидно, речь идет о встрече в четверг вечером у какого-то дома в окрестностях Парижа. Хозяин постоянно там не живет: видимо, приезжает в пятницу и уезжает в понедельник.

- Верно. Это следует из текста.

- Чтобы убедиться, что вилла будет пустой, шайка послала туда для наблюдения двух человек - тех, что сменяли друг друга. С другой стороны, я знаю, кто такой Мимиль, и у меня есть его адрес.

- В таком случае...

Казалось, следователь хотел сказать, что дело в шляпе, однако Мегрэ был настроен менее оптимистично.

- Если это та шайка, о которой я подумал... - начал он. - Вот уже два года происходят ограбления богатых вилл в то время, когда их хозяева оказываются в Париже. Почти всегда воры забирают картины и ценные безделушки. В Тессанкуре они не взяли два полотна, которые были копиями, что наводит на мысль о...

- Знатоках.

- Одним, во всяком случае.

- Что же вас беспокоит?

- Эти люди до сих пор не убивали. Это не в их стиле.

- Однако то, что случилось вчера вечером...

- Предположим, они заподозрили, что магнитофон был включен. Им не составляло труда выйти вслед за Антуаном Батийлем, к примеру, вдвоем. Когда они оказались в пустынном месте, вроде улицы Попенкур, им оставалось лишь наброситься на него и отнять магнитофон.

- Это верно, - невесело вздохнул следователь.

- Такие грабители убивают редко, только когда их положение становится отчаянным. Эти работают уже два года, и мы не можем их поймать. Мы понятия не имеем, как они сбывают картины и предметы искусства. Тут нужна хорошая голова, человек, который разбирается в живописи, имеет связи, дает наводку, распределяет обязанности и, быть может, даже сам принимает участие в ограблении. Такой человек, увы, существует, и он не дал бы сообщникам пойти на убийство.

- Тогда что же вы думаете обо всем этом?

- Пока ничего не думаю. Действую наощупь. И, разумеется, иду по следу. Двое моих инспекторов наблюдают за лавкой рамочного мастера по прозвищу Мимиль. Третий роется в делах в поисках человека тридцати пяти лет с густыми темными бровями.

- Держите меня в курсе, ладно?

- Как только что-то прояснится...

Можно ли полагаться на свидетельство Джино Пальятти? Неаполитанец утверждает, что убийца ударил несколько раз, прошел немного вперед, потом вернулся и нанес еще удара три. Это не вяжется с версией о полупрофессионале, тем более что он в конечном итоге не забрал магнитофон.

Жанвье оставил донесение о визите к женщине, которая стояла у окна на втором этаже.

"Вдова Эспарбес, семьдесят два года. Живет одна в трехкомнатной квартире с кухней уже десять лет. Муж был служащим. Получает пенсию, живет комфортабельно, но без роскоши.

Очень нервна и утверждает, что спит чрезвычайно мало; всякий раз, когда просыпается, подходит к окну и прислоняется лбом к стеклу.

- Старушечья причуда, господин инспектор.

- Что вы видели вчера вечером? Прошу вас побольше подробностей, даже если они кажутся вам несущественными.

- Я еще не приготовилась ко сну. В десять, как обычно, послушала по радио новости. Потом выключила приемник и встала у окна. Давно уже я не видела такого дождя; он мне напомнил прошлое... Впрочем, неважно... Чуть раньше половины одиннадцатого из маленького кафе напротив вышел молодой человек; на животе у него висело что-то вроде большого фотоаппарата. Я даже немного удивилась. Почти сразу же я увидела другого молодого человека...

- Вы говорите, молодого?

- Да, он тоже мне показался молодым. Пониже первого, чуть плотнее, но не намного. Я не заметила, откуда он появился. Несколько быстрых и, видимо, бесшумных шагов, и он, оказавшись позади первого, стал наносить ему удары. Я даже хотела открыть окно и крикнуть, чтобы он перестал, хотя это ни к чему бы не привело. Жертва была уже на земле. Тогда убийца наклонился, поднял за волосы голову лежащего и осмотрел ее.

- Вы в этом уверены?

- Совершенно. Уличный фонарь недалеко, и я даже смутно различила черты лица...

- Продолжайте.

- Он пошел прочь. Потом вернулся, словно что-то забыл. Метрах в пятидесяти шли под зонтом Пальятти. Человек ударил лежавшего на земле еще раз три и убежал.

- Он завернул за угол, на улицу Шмен-Вер?

- Да. Потом подошли Пальятти. Остальное вы знаете. Я узнала доктора Пардона; кто был с ним, не знаю.

- Сможете узнать нападавшего?

- Не уверена... Лицо - нет. Только по фигуре...

- И вы уверяете, что он был молод?

- На мой взгляд, ему не больше тридцати.

- Волосы длинные?

- Нет.

- Усы, бакенбарды?

- Нет, я заметила бы.

- Он сильно промок? Как будто шел под дождем или только что вышел из дома?

- Они оба промокли. В такой ливень достаточно нескольких минут, чтобы промокнуть насквозь.

- Шляпа?

- Была... Темная, возможно коричневая.

- Большое спасибо.

- Я рассказала вам все, что знаю, но прошу вас, сделайте так, чтобы мое имя не упоминали в газете. У меня есть племянники; они выбились в люди, и им будет неприятно узнать, что я живу здесь".

Зазвонил телефон. Мегрэ узнал голос Пардона.

- Это вы, Мегрэ?... Не помешал?... Не ожидал застать вас в кабинете. Я позволил себе позвонить вам, чтобы узнать, нет ли новостей.

- Идем по следу, только неизвестно, по верному ли. Вскрытие подтвердило ваш диагноз. Смертельным был один удар, пробивший правое легкое.

- Считаете, что это убийство с целью ограбления?

- Не знаю. Нынче на улицах бродяг и пьяниц немного. Драки не было. В двух местах, где пострадавший побывал до Жюля, он ни с кем не ссорился.

- Благодарю. Я, понимаете ли, считаю себя немного причастным к этому делу. А теперь за работу! У меня в приемной одиннадцать пациентов.

- Удачи!

Мегрэ уселся в кресло, выбрал на письменном столе трубку и набил ее; взгляд у него был туманный, как пейзаж за окном.

Глава 3

Около половины шестого позвонил Люкас.

- Я подумал, что вы не прочь были бы получить от меня первое донесение, шеф. Я в маленьком баре прямо напротив магазина рамочника. Его зовут Эмиль Браншю. На улице Фобур-Сент-Антуан обосновался года два назад. Приехал вроде бы из Марсея, но это не проверено. Говорят, был там женат, потом не то просто разошелся, не то развелся. Живет один. Квартиру убирает старуха соседка, питается он большей частью в ресторанчике для завсегдатаев. У него есть машина, зеленый "рено", - он держит ее в ближайшем дворе. По вечерам уходит, возвращается довольно скоро, часто с девушками, каждый раз с новой. Девушки не из тех, каких можно встретить в этом квартале или в кабачках на улице Лапп. Похожи на манекенщиц, в вечерних туалетах и меховых манто. Это вас интересует?

- Конечно. Продолжай.

Люкас работал с Мегрэ дольше других сотрудников, и комиссар иногда обращался к нему на "ты". Он тыкал и Лапуэнту, который пришел в полицию совсем молодым и напоминал тогда серьезного мальчика.

- В лавке побывало трое посетителей - двое мужчин и женщина. Женщина купила двухстороннее зеркало, с одной стороны увеличительное: Браншю торгует и зеркалами. Один из мужчин принес оправить крупный фотоснимок и долго обсуждал заказ. Третий вышел с холстом в раме. Я смог разглядеть картину, потому что мужчина подошел с ней к застекленной двери. Это пейзаж с рекой, работа любительская.

- Он звонил по телефону?

- С моего места хорошо виден аппарат на прилавке: он им не пользовался. Зато когда мимо проходил мальчишка-газетчик, вышел и купил две газеты.

- Лапуэнт там?

- Сейчас нет. Задняя дверь выходит во двор и переулок, каких много в квартале. Учитывая, что у рамочника есть машина, Лапуэнт посчитал, что будет неплохо, если Лурти и Неве, которые нас сменят, тоже приедут на машине.

- Понятно. Благодарю, старина.

Жанвье принес десятка полтора фотографий мужчин лет тридцати пяти с темными волосами и густыми бровями.

- Это все, что я нашел, шеф. Я вам больше не нужен? Сегодня день рождения у одного из моих ребятишек и...

- Поздравь его от меня.

Мегрэ зашел в инспекторскую, увидел Лурти и посоветовал отправляться на улицу Фобур-Сент-Антуан на машине.

- А где Неве?

- Где-то здесь. Сейчас придет.

Больше на Набережной Мегрэ делать было нечего. С фотоснимками в кармане он спустился во двор, прошел через подворотню, приветственно махнул рукой дежурному и направился к бульвару Пале, где поймал такси. Он не был в плохом настроении, но и не радовался. Расследование он вел, можно сказать, неуверенно, словно с самого начала совершил ошибку, и беспрестанно возвращался к сцене, разыгравшейся под проливным дождем на темной улице Попенкур.

Молодой Батийль выходит из полутемного бистро, где четверо играют в карты. Вдалеке - чета Пальятти под зонтиком. Г-жа Эспарбес у окна. Внезапно появляется человек лет тридцати с лишним. Никто не знает, ждал он Батийля у какой-нибудь двери или шел за ним по улице. Человек броском преодолевает несколько метров и наносит удар - раз, другой, третий. Слышит шаги бакалейщика и его жены, которые находятся метрах в пятидесяти. Доходит до угла улицы Шмен-Вер и вдруг возвращается. Почему он наклонился над раненым? Только для того, чтобы приподнять ему голову? Почему не попробовал нащупать пульс, проверить, жив ли Антуан? Нет, мужчина смотрит ему в лицо. Чтобы убедиться, что это именно тот, на кого он хотел напасть? Дальше что-то не так. Зачем он еще трижды бьет ножом простертого на земле человека?

Этот фильм Мегрэ снова и снова прокручивал в голове, словно в надежде на внезапное прозрение.

- Площадь Бастилии, - бросил он шоферу.

Владелец кафе "Друзья" с зачесанными на лысину волосами все еще сидел за кассой. Взгляды их встретились; хозяин кафе смотрел равнодушно. Мегрэ сел не в большом зале, а спустился вниз, где и занял место за столиком. Народу было больше, чем утром. Наступило время аперитива. Подошедший официант был уже менее любезен.

- Кружку пива, - заказал Мегрэ и протянул пачку снимков. - Взгляните, не узнаете ли вы здесь кого-нибудь.

- Но я занят...

- Много времени это у вас не отнимет.

Скорее всего, днем хозяин поговорил с ним, когда увидел, как Мегрэ после долгого отсутствия поднялся снизу.

Официант, поколебавшись, взял фотографии. - Лучше посмотрю их где-нибудь в уголке. - Вернулся он почти сразу и протянул пачку Мегрэ.

- Не узнал никого.

Это прозвучало искренне. Официант ушел за пивом. Комиссару оставалось лишь пойти домой обедать. Он не спеша выпил пиво, поднялся по лестнице и увидел прямо перед собой сидящего за столиком Лапуэнта. Лапуэнт тоже его заметил, но виду не подал. Похоже, где-то в кафе сидел Эмиль Браншо, и комиссар не стал разглядывать посетителей. Он прошел метров двести и очутился дома, где разносился запах тушеной макрели. Г-жа Мегрэ готовила ее на медленном огне, с белым вином и горчицей. Она сразу же поняла, что муж недоволен ходом расследования, и ни о чем спрашивать не стала. Только сидя за столом, поинтересовалась:

- Ты не смотрел телевизор?

Это стало уже привычкой, манией.

- В семичасовых известиях много говорили про Антуана Батийля. Взяли в Сорбонне интервью у его друзей.

- И что же они сказали о нем?

- Что он был хороший парень, не выпячивался, даже немного стеснялся, что он из такой известной семьи. Обожал магнитофоны и все ждал, когда ему пришлют из Японии миниатюрный аппарат, умещающийся на ладони.

- И все?

- Попытались расспросить его сестру. Та отвечала кратко: "Мне нечего сказать". - "Где вы были той ночью?" - "В Сен-Жермен-де-Пре". - "Вы были дружны с братом?" - "Он не лез в мои дела, а я в его".

Журналисты вынюхивали повсюду: на улице Попенкур, набережной Анжу, в Сорбонне. Делу они дали название "Одержимый с улицы Попенкур". Подчеркивали количество нанесенных ударов. Семь за два приема! Убийца вернулся назад, чтобы ударить снова, словно ему показалось, что жертва еще жива.

"Не наводит ли это на мысль о мести? - вопрошал один из репортеров. - Если бы семь ударов ножом были нанесены подряд, можно было бы говорить о более или менее бессознательной вспышке ярости. Большое число ударов - это всегда производит сильное впечатление на присяжных - чаще всего свидетельствует о том, что преступник себя не контролировал. Убийца же Батийля прекратил наносить удары, стал удаляться прочь, а потом спокойно вернулся, чтобы ударить еще трижды".

В одной из газет статья заканчивалась так: "Играет ли в этом деле какую-то роль магнитофон? Нам известно, что полиция придает ему определенное значение, однако на набережной Орфевр эту тему замалчивают".

В половине девятого зазвонил телефон.

- Это Неве, шеф. Люкас наказал держать вас в курсе...

- Где вы?

- В маленьком баре напротив лавки рамочника. Перед тем как мы с Лурти приехали, Эмиль Браншо запер лавку и отправился на площадь Бастилии выпить аперитив. Проходя мимо кассы, поздоровался с хозяином; тот ответил ему как завсегдатаю. Он ни с кем не разговаривал, читал принесенные с собой газеты. Лапуэнт был...

- Я его видел.

- Ясно. А вы знаете, что обедал он в скромном ресторане, где у него в ячейке своя салфетка и где его зовут господин Эмиль?

- Этого я не знал.

- Лапуэнт говорит, что он там тоже хорошо поел, кажется, сосисок...

- Дальше.

- Браншо вернулся к себе, закрыл ставни, завесил стеклянную дверь деревянным щитом. Через щели в ставнях виден слабый свет, Лурти наблюдает за двором.

- Вы с машиной?

- Стоит в нескольких метрах отсюда.

По первой программе неистовствовали певцы и певицы. Мегрэ этого терпеть не мог. По второй шел старый американский фильм с Гарри Купером; комиссар с женой стали его смотреть. Фильм кончился без четверти одиннадцать; Мегрэ чистил зубы, когда снова зазвонил телефон. На этот раз звонил Лурти.

- Где вы? - осведомился комиссар.

- На улице Фонтен. Около половины одиннадцатого Браншо вышел и направился во двор к машине. Мы с Неве сели в свою...

- Он не заметил, что вы за ним следите?

- Не думаю. Приехал прямо сюда, словно бывает здесь уже давно, поставил машину и вошел в "Розовый кролик".

- Это что еще такое?

- Кабачок со стриптизом. Швейцар поздоровался с ним, как со старым знакомым. Мы с Неве тоже вошли - здесь ни на кого не обращают внимания. Неве даже сделал вид, что он малость навеселе.

В этом был весь Неве, в каждое задание он привносил что-то свое. Любил изменять внешность, не упуская при этом ни малейшей детали.

- Наш человек в баре. Пожал руку бармену. Хозяин, низенький толстяк в смокинге, тоже обменялся с ним рукопожатием, а несколько девочек его расцеловали.

- Что представляет собой бармен?

- Вот-вот... По приметам похож. Между тридцатью и сорока, красавчик южного типа.

Выйдя из кафе "Друзья", Мегрэ хотел отдать комплект фотографий Люкасу, по-прежнему находившемуся на улице Фобур-Сент-Оноре: пусть передаст их Лурти. Комиссар подумал об этом, уходя с набережной дез Орфевр, а потом забыл.

- Возвращайся в "Розовый кролик". Я буду минут через двадцать. Как называется бистро, откуда ты звонишь?

- Из табачной лавки на углу. Не ошибетесь. Я не хотел звонить из кабачка, чтобы не подслушали.

- Через двадцать минут в табачной лавке. Г-жа Мегрэ, все поняв, со вздохом сняла с вешалки пальто и шляпу мужа.

- Вызвать такси?

- Да, пожалуйста.

- Не надолго?

- Примерно на час.

Уже год у них была своя машина, но Мегрэ и не пытался сесть за руль, а г-жа Мегрэ предпочитала ездить по Парижу как можно меньше. Они пользовались ею, когда в субботу вечером или в воскресенье утром выезжали в свой домик в Мен-сюр-Луар.

"Вот пойду на отдых..." Иногда казалось, что Мегрэ считает дни, оставшиеся до пенсии. А иногда его охватывало нечто вроде паники перед перспективой ухода с набережной дез Орфевр. Еще три месяца назад комиссаров провожали на пенсию в шестьдесят пять лет, а ему было шестьдесят три. Но по новому закону возрастной ценз повышался до шестидесяти восьми.

На некоторых улицах туман был довольно густой, машины ехали медленно, вокруг фар виднелись светлые ореолы.

- По-моему, я вас уже возил, верно?

- Вполне возможно.

- Забавно! Лицо знакомо, а вот имени никак не вспомню. Знаю только, что вы человек известный. Артист?

- Нет.

- В кино не снимались?

- Нет.

- А может, я видел вас по телевизору? К счастью, они уже приехали на улицу Фонтен.

- Попробуйте где-нибудь припарковаться и подождите меня.

- Вы надолго?

- Несколько минут.

- Тогда ладно. Понимаете, в театрах кончились спектакли и...

Мегрэ открыл дверь табачной лавки-бара и увидел Лурти, облокотившегося о стойку. Накануне неоднократно говорили о коньяках, и комиссар машинально заказал рюмку, после чего достал из кармана снимки и всунул их инспектору.

- Рассмотрись в туалете: так безопаснее. Через несколько минут Лурти вернулся и возвратил фотографии.

- Верхний в пачке. Я поставил сзади крестик.

- Это точно?

- Абсолютно. Разве что на снимке он на несколько лет моложе. Но он и сейчас красавчик.

- Возвращайся туда.

- Сейчас начнется стриптиз. Знаете, нам пришлось заказать шампанского. Там больше ничего не подают.

- Иди. Если произойдет что-нибудь серьезное, особенно если он двинет за город, обязательно позвоните.

В такси комиссар рассмотрел отмеченный крестиком снимок. Самое красивое лицо во всей пачке. Во взгляде что-то дерзкое и язвительное. Жесткий тип - такие часто встречаются в шайках корсиканцев или марсельцев.

Спал Мегрэ беспокойно, задолго до десяти уже был на Набережной и тут же отправил Жанвье на чердак в картотеку.

- Сработало? Я, честно говоря, не очень-то надеялся. Больно уж приметы расплывчатые.

Через четверть часа Жанвье спустился с карточкой в руке.

"Мила, Жюльен Жозеф Франсуа, место рождения - Марсель, бармен. Холост. Рост... "

Дальше шли антропометрические данные Мила, последним местом жительства которого были меблированные комнаты на улице Нотр-Дам-де-Лорет. Четыре года назад осужден на два года тюрьмы за вооруженное нападение. Это произошло у проходной одного завода в Пюто. Инкассатор успел пустить в ход воспламеняющее устройство, и из чемоданчика повалил густой дым. Его заметил дежуривший на углу полицейский и бросился в погоню. Машина грабителей врезалась в фонарь. Мила отделался довольно легко: во-первых, прикинулся второстепенным действующим лицом; во-вторых, злоумышленники были вооружены детскими пугачами.

Мегрэ вздохнул. Он хорошо знал профессионалов, но особенного интереса к ним не испытывал. Привык иметь с ними дело, вести с ними игру, в которой были свои правила, но и без мошенничества не обходилось. Мог ли он допустить мысль, что человек, совершивший ограбление с игрушечным пистолетом в руке, способен дважды зверски напасть на юношу только потому, что тот записал отрывок компрометирующего разговора? Что убийца не дал себе труда забрать у раненого магнитофон или хотя бы сломать его?

- Алло! Соедините, пожалуйста, со следователем Пуаре. Алло! Да... Благодарю... Господин Пуаре? Говорит Мегрэ. У меня появились новые данные, и в связи с этим возникли некоторые вопросы. Хотелось бы с вами посоветоваться... Через полчаса?.. Благодарю, через полчаса буду у вас.

Внезапно выглянуло солнце. Подумать только: скоро 21 марта, весеннее равноденствие! Мегрэ положил фотографию Мила в карман и направился к начальнику на обычный утренний доклад.

День выдался суматошный: беготня, телефонные звонки, распоряжения. Шайка, из которой были известны лишь Мила, рамочный мастер, да еще кто-то третий, очевидно, собиралась ограбить дом в окрестностях Парижа. А за пределами Парижа уголовная полиция с набережной дез Орфевр была уже бессильна. Тут вступала в дело служба национальной безопасности с улицы де Соссэ, и, с позволения следователя, Мегрэ позвонил коллегам. Трубку снял комиссар Грожан, ветеран, примерно однолетка Мегрэ, как и он, не выпускавший трубку изо рта. Уроженец Канталя,

он до сих пор сохранил сочный овернский акцент. Чуть позже они встретились в огромном здании на улице де Соссэ, которое сотрудники уголовной полиции прозвали "фабрикой". После часа работы Грожан встал и буркнул:

- Нужно все же для вида доложить шефу.

Когда Мегрэ вернулся к себе, все было готово. Не так, как ему хотелось бы, а так, как привыкла работать служба безопасности.

- Ну и как? - спросил Жанвье, сидевший на связи с людьми с улицы Фобур-Сент-Антуан.

- Как в кино!

- На улице Фобур-Сент-Антуан сейчас Люкас и Маретт. Эмиль выпил в баре аперитив, потом пошел обедать в тот же ресторан, где они находились, но внимания на них не обратил. Никаких подозрительных посетителей. Несколько клиентов - похоже, настоящие. За лавкой у него маленькая мастерская; там он и работает.

Около четырех Мегрэ пришлось снова подняться к следователю и ознакомить его с разработанным планом операции. Когда он спускался к себе, ему передали бланк, на котором было написано одно имя: "Моника Батийль"; место, отведенное для изложения цели посещения, осталось незаполненным.

Интересно, каким образом имя Моника превратилось в Мину? Мегрэ вошел в приемную и увидел высокую худощавую девушку в черных брюках и плаще, надетом поверх прозрачной блузки.

- Вы комиссар Мегрэ?

Она оглядела его с головы до ног, словно убеждаясь, что репутация его заслуженна.

- Следуйте за мной, пожалуйста.

Без малейшего смущения Мину вошла в кабинет, где решалось столько судеб. Она, похоже, не отдавала себе в этом отчета и непринужденно достала из кармана пачку сигарет.

- Курить можно? - спросила она и тут же усмехнулась. - Совсем забыла, что вы целыми днями курите трубку.

Она подошла к окну.

- Прямо как у нас. Видна Сена... Вы не находите, что это утомительно?

Быть может, ей хотелось бы, чтобы пейзаж за окном все время менялся? Уф! Наконец-то уселась в кресло. Мегрэ продолжал стоять у стола.

- Вы, наверное, спрашиваете себя, зачем я сюда пришла. Можете не пугаться: не из простого любопытства. Правда, я бываю у самых разных знаменитостей, но вот у полицейского еще не доводилось...

Бессмысленно пытаться остановить ее. А может быть, за этой развязностью скрывается внутренняя неуверенность?

- Вчера я ждала, что вы придете и станете снова допрашивать родителей, меня, прислугу, еще кого-нибудь. Обычно ведь так и бывает? А сегодня утром решила, что днем приду к вам сама. Я многое обдумала. - Она заметила на губах у Мегрэ легкую улыбку и догадалась. - Иногда я тоже думаю, можете себе представить... Нет, я что-то не то говорю... На улице Попенкур нашли труп моего брата. Это страшная улица?

- Что вы называете страшной улицей?

- Где в барах собираются хулиганы, замышляют разные выходки, не знаю что...

- Нет. Это улица, где живут простые люди.

- Так и думала. Но ведь брат записывал разговоры и в других местах, вправду опасных. Однажды, когда я настаивала, чтобы он взял меня с собой, он сказал: "Это невозможно, малышка.

Там, куда я иду, ты будешь в опасности. Да и я тоже..." Я спросила: "Ты хочешь сказать, там будут преступники?" - "Конечно. Знаешь, сколько трупов вылавливают ежегодно только из канала Сен-Мартен?" Не думаю, что он хотел меня напугать или просто отвязаться. Я продолжала настаивать. Несколько раз возобновляла атаки, но он так и не взял меня в свою так называемую экспедицию.

Мегрэ смотрел на нее и удивлялся, сколько непосредственности пробивается сквозь ее рисовку. В сущности, ее брат и она были лишь взрослыми детьми. Под предлогом психологических исследований, охоты за человеческими документами Антуан искал острых ощущений.

- Ваш брат сохранял записи?

- У него в комнате лежат десятки кассет; все они тщательно пронумерованы и занесены в каталог, который он постоянно вел.

- Кто-нибудь их трогал после..., после его смерти?

- Нет. - Тело у вас дома?

- Брат лежит в маленькой гостиной, которую мы называем маминной. Другая гостиная слишком велика. Подъезд завешен черным крепом. Все это очень мрачно. В наше время это уже ни к чему, вы не находите?

- Что вы хотели мне рассказать?

- Ничего. Что он рисковал... Что встречался с разными людьми... Не знаю, разговаривал ли он с ними, были ли у него знакомые в этой среде...

- Он был вооружен?

- Странно, что вы спросили об этом.

- Почему?

- Он добился, чтобы папа отдал ему один из своих револьверов. Держал его у себя в комнате. А недавно заявил мне: "Хорошо, что мне скоро двадцать один. Получу разрешение на оружие. Принимая во внимание характер исследований, которыми я занимаюсь..."

Все это делало сцену на улице Попенкур еще более трагической и в то же время нереальной. Взрослый мальчик. Убежден, что изучает живых людей, записывая в кафе и ресторанах обрывки разговоров. Тщательно нумерует свои находки, заносит их в каталог.

- Надо бы прийти послушать его записи. Вы их когда-нибудь слышали?

- Он никому их не проигрывал. Лишь однажды мне показалось, что у него в комнате рыдает женщина. Я пошла посмотреть. Он был один - слушал какую-то запись. У вас больше нет ко мне вопросов?

- Пока нет. Я, видимо, зайду к вам завтра. Проститься приходят многие?

- Идут без конца. Ну, ладно! Я хотела быть вам полезной...

- Возможно, ваше посещение полезнее, чем кажется на первый взгляд. Благодарю, что пришли.

Он проводил ее до двери и подал руку. Она радостно пожала ее.

- До свидания, господин Мегрэ. Не забудьте: вы обещали, что я прослушаю записи вместе с вами.

Комиссар ничего не обещал, но предпочел не спорить. Где он был, когда ему передали ее карточку? Спускался от следователя. "Кино", - брюзгливо подумал он. Он продолжал брюзжать почти весь вечер и часть ночи. На улице де Соссэ работали действительно, как в кино.

В половине восьмого Люкас доложил по телефону, что рамочный мастер опустил ставни и забрал застекленную дверь щитом. Чуть позже пошел обедать в свой ресторан. Словно чтобы подышать воздухом, пешком обогнул квартал, дошел до площади Бастилии, купил в киоске несколько журналов и вернулся домой.

- Что нам делать?

- Ждите.

Мегрэ и Жанвье пошли обедать в "Пивную Дофина". Там было почти пусто. Два маленьких зальчика заполнялись только в полдень да в час вечернего аперитива. Мегрэ позвонил жене и пожелал ей спокойной ночи.

- Когда вернусь, понятия не имею. Вероятно, поздно ночью. Если только все не пойдет коту под хвост. Командую операцией не я.

Он командовал лишь в Париже; именно поэтому в девять часов машина, в которой сидели он, Жанвье за рулем и толстяк Лурти сзади, заняла место почти напротив рамочной лавки. Это была черная машина без опознавательных знаков, снабженная радиостанцией. Метрах в пятидесяти стояла вторая такая же машина. В ней сидели комиссар Грожан и трое инспекторов. И, наконец, на поперечной улице стояла полицейская машина с улицы де Соссэ с десятком полицейских в штатском. Люкас, тоже в машине, караулил Мила у меблированных комнат на улице Нотр-Дам-де-Лоретт. Он и начал первым.

- Алло! Двести восемьдесят седьмой? Это вы, шеф?

- Мегрэ слушает.

- Говорит Люкас. Мила только что отъехал на такси. Едем через центр и, похоже, направляемся на левый берег.

В эту минуту дверь лавки отворилась, появился мастер в легком бежевом пальто, запер дверь и широким шагом направился к площади Бастилии.

- Алло! Двести пятнадцатый! - включил рацию Мегрэ. - Это вы, Грожан? Слышите меня? Алло! Двести пятнадцатый!

- Двести пятнадцатый слушает.

- Мы сейчас медленно двинемся в сторону площади Бастилии. Он идет пешком.

- Все?

- Все, - пожал широкими плечами Мегрэ. - Какая-то игра в солдатики, ей-богу!

Пройдя площадь Бастилии, Эмиль Браншо вышел на бульвар Бомарше и сел в стоявшую у тротуара черную машину, которая тут же отъехала. Мегрэ не разглядел человека, сидящего за рулем, но это наверняка был третий из кафе "Друзья", тот, со шрамом на лице, что пил ром. За машиной Мегрэ на некотором расстоянии ехал Грожан. Время от времени он вызывал комиссара, и тот, злясь на себя за свою ворчливость, отвечал.

Движение на улицах было спокойным. Машина преступников ехала быстро; водитель, казалось, не замечал, что за ними следят. У Шатильонской заставы он притормозил, и стоявший у края тротуара высокий брюнет непринужденно сел в машину. Теперь все трое были в сборе. Действовали они по-военному слаженно. Машина прибавила скорость, и Жанвье пришлось ехать так, чтобы не потерять их из виду, но и не позволить себя обнаружить. Свернув на дорогу в Версаль, они, почти не замедляя хода, проехали Пти-Кламар.

- Где вы? - регулярно спрашивал Грожан. - Не потеряли их из виду?

- Выезжаем за пределы моей территории, - проворчал Мегрэ. - Теперь ваш ход.

- Вот прибудем на место...

Свернули налево, на Шатне-Малабри, потом направо, в сторону Жуи-ан-Жозас. По небу плыли большие тучи, иные довольно низко, однако, в общем, оно оставалось чистым; время от времени проглядывала луна. Черная машина замедлила ход, свернула еще раз налево; послышался скрип тормозов.

- Остановиться? - спросил Жанвье. - Они, кажется, тормозят. Да, остановились.

Лурти вылез из машины и пошел осмотреться. Вернувшись, сообщил:

- Они с кем-то встретились и вошли не то в большой сад, не то в парк; там виднеется крыша виллы.

Отставший Грожан спросил, где они, и Мегрэ ответил.

- Значит, где вы, говорите?

- Дорога Акаций, я видел надпись, - шепотом подсказал Лурти.

- На Дороге Акаций.

Лурти занял пост на углу, где Мила с сообщниками вылезли из машины, которую оставили у поребрика. Дозорный преступников стоял на посту, остальные, похоже, проникли в дом. За автомобилем Мегрэ остановилась машина службы безопасности, чуть позже - внушительная машина, набитая полицейскими.

- Теперь вы, - шепнул Мегрэ, набивая трубку.

- Где они?

- Очевидно, внутри виллы. Вон, на углу, видна решетка. Человек на тротуаре - их дозорный.

- Пойдете со мной?

- Нет, останусь здесь.

Несколько мгновений спустя машина Грожана рванулась влево так стремительно, что захваченный врасплох дозорный не успел поднять тревогу. Он еще даже не понял, что происходит, как двое полицейских уже набросились на него и надели ему наручники. Выскочившие из машины полицейские ринулись в парк и окружили виллу, взяв под контроль все выходы. Здание было современное, довольно большое; за деревьями поблескивала вода плавательного бассейна.

Свет нигде не горел, ставни были закрыты. Однако внутри слышались шаги; когда сотрудники службы безопасности с Грожаном во главе открыли дверь, они увидели троих мужчин в резиновых перчатках, встревоженных подозрительным шумом и собравшихся дать тягу. Они не сопротивлялись, молча подняли руки и через несколько секунд тоже оказались в наручниках.

- Этих в машину. Я допрошу их у себя.

Мегрэ прохаживался взад и вперед, разминая ноги. Он издали рассматривал людей, которых сажали в машину, когда к нему подошел Грожан.

- Не хотите вместе со мной осмотреть дом?

Прежде всего, на решетке, справа, они увидели доску розового мрамора, на которой золотыми буквами было написано: "Золотая Корона". Вырезанная на камне корона что-то напомнила Мегрэ, но что, - он никак не мог сообразить. Коридора в доме не было. На уровне с крыльцом находился огромный холл; на стенах из белого камня висели охотничьи трофеи и картины. Одна из них лицом вниз лежала на столике красного дерева.

- Сезанн, - перевернув ее, прошептал Грожан.

В углу стоял письменный стол эпохи Людовика XV. На кожаном бюваре виднелась такая же корона, как при входе. В ящике стола лежали конверты и почтовая бумага, тоже с короной и надписью: "Филипп Лербье".

- Взгляните, Грожан, - произнес Мегрэ, указывая на корону на бюваре и почтовой бумаге.

- Понятно. Известный торговец кожаными изделиями с улицы Руайаль.

Шестидесятилетний мужчина с густой белоснежной шевелюрой, благодаря которой его лицо кажется моложе и свежее. У него самый элегантный магазин кожаных изделий в Париже; филиалы его фирмы расположены в Канне, Довиле, Лондоне, Нью-Йорке и Майами.

- Что делать? Позвонить ему?

- Это ваша забота, старина.

Грожан снял трубку и набрал номер, напечатанный на почтовой бумаге.

- Алло! Квартира господина Лербье? Да, господина Филиппа Лербье. Нет дома? А вы не знаете, где можно его найти? Что? У господина Лежандра, на бульваре Сен-Жер-мен? Дайте, пожалуйста, телефон.

Достав из кармана карандаш, он записал несколько цифр на красивой почтовой бумаге с короной.

- Благодарю вас.

Фамилия адвоката Лежандра тоже значилась в справочнике "Весь Париж".

Мегрэ рассматривал картины: еще два Сезанна, Дерен, Сислей. Открыв дверь, он очутился в небольшой, по-женски обставленной гостиной, стены которой были обтянуты желтым штофом. Она напоминала ему набережную Анжу. Мегрэ попал в тот же мир; эти двое были безусловно знакомы, хотя бы уже потому, что посещали одни и те же места. Имя Филиппа Лербье часто мелькало в газетах, особенно в связи с его браками и разводами. Его называли чемпионом по разводам среди французов. Сколько было таких разводов? Пять? Шесть? Самое интересное, что через полгода после каждого он женился опять. И все на женщинах одного типа! Все они, кроме одной, которая работала в театре, были манекенщицами с длинным и гибким телом и застывшей улыбкой. Можно было подумать, что он женится только затем, чтобы роскошно их одеть и заставить играть при нем чисто декоративную роль.

- Да... Благодарю вас... Алло! Господин Лербье? Говорит комиссар Грожан из службы безопасности. Я нахожусь на вашей вилле в Жуи-ан-Жозас. Что я тут делаю? Задержал троих грабителей, собиравшихся похитить ваши картины.

- Смеется! - прикрыв трубку рукой, шепнул Мегрэ Грожан. Потом продолжал, уже громко:

- Что вы сказали? Застрахованы? Прекрасно. Сегодня не приедете? Но я не могу оставить дверь открытой и не могу ее запереть. Это означает, что один из моих людей подождет на вилле, пока вы не пришлете кого-нибудь, в том числе слесаря. Я...

Несколько секунд он слушал, потом сильно покраснел.

- Повесил трубку, - выдал он наконец и, задыхаясь от ярости, добавил:

- И для этих людей мы..., мы...

Он явно хотел продолжить: "Рисуем своей шкурой", но промолчал, поняв, что при данных обстоятельствах это было бы совершенно излишне.

- Не знаю, может, он под мухой, но вся эта история показалась ему забавной шуткой.

Приказав одному из своих людей оставаться на вилле впредь до дальнейших распоряжений, он повернулся к Мегрэ:

- Пошли?

Он никак не мог опомниться.

- Сезанн... Еще кто-то там... На сотни тысяч франков картин на вилле, куда приезжают только на уик-энд...

- На мысе Антиб у него вилла еще повнушительней. И тоже называется "Золотая Корона". Если верить газетам, его сигары и сигареты тоже помечены золотой короной. И яхта называется "Золотая Корона"...

- Неужели, правда? - недоверчиво выдохнул Грожан.

- Похоже.

- И никто над ним не смеется?

- Люди добиваются как чести приглашения в одну из его резиденций.

Они вышли и остановились у бассейна: он, видимо, был с подогревом, потому что над водой поднимался легкий пар.

- Поедете на улицу де Соссэ?

- Нет. Ограбление меня не касается - оно произошло не на моей территории. Если можно, я завтра допросил бы их по другому поводу. Думаю, что и следователь Пуаре не против их послушать.

- В связи с делом на улице Попенкур?

- Мы же благодаря ему напали на их след.

- А ведь и верно...

Дойдя до машин, мужчины пожали друг другу руки; оба одинаково тучные, у обоих за плечами одинаковая карьера, одинаковый опыт.

- Я пробуду здесь до утра. В конце концов... Мегрэ уселся рядом с Жанвье. На заднем сиденье курил Лурти: в темноте светилась красная точка.

- Ладно, ребята! До сих пор мы работали только на службу безопасности. Попробуем завтра поработать на себя.

Жанвье, намекая на не очень-то сердечные отношения между двумя ведомствами, спросил:

- Думаете, нам дадут их взаймы?

Глава 4

Этой ночью на улице де Соссэ было, по-видимому, беспокойно: в коридорах толпились предупрежденные неизвестно кем журналисты и фотографы. Мегрэ поднялся в половине восьмого и машинально включил радио. Передавали новости; как он и ожидал, шел разговор о вилле в Жуи-ан-Жозас и знаменитом миллионере Филиппе Лербье, имевшем шесть жен и золотые короны.

"Задержаны четверо, однако комиссар Грожан убежден, что ни один из них не является настоящим главарем шайки, ее мозгом. С другой стороны, ходят слухи, что в дело может вмешаться комиссар Мегрэ, но не в связи с кражей картин, а по поводу других действий злоумышленников. Эта тема пока держится в тайне".

Слушая радио, комиссар узнал одну подробность: трое грабителей и тот, кто стоял на стреме, не были вооружены. К девяти часам он уже сидел у себя в кабинете; сразу после доклада начальнику позвонил Грожану.

- Вам удалось хоть немного поспать?

- Всего часа три. Хотелось допросить их еще тепленькими. Не раскололся ни один. А этот бармен, Жюльен Мила, самый умный из всей троицы, просто выводит меня из себя. Задаешь ему вопрос, а он ехидно глядит на тебя и сладеньким голосом отвечает: "К сожалению, мне нечего сказать".

- Они потребовали адвоката?

- Ну, еще бы! Мэтра Гюз, понятное дело. Жду его сегодня утром.

- Когда вы сможете переправить этих субчиков ко мне? Следователь Пуаре тоже их дожидается.

- Думаю, в течение дня. Их, видно, нужно будет вернуть нам: я с ними провожусь долго. За два года таких ограблений в окрестностях Парижа совершено было много, не меньше дюжины, и я убежден, что почти все, если не все, - дело рук этих молодчиков. А как у вас? Что с улицей Попенкур?

- Ничего нового.

- Полагаете, мои фрукты замешаны в этом?

- Не знаю. Один из грабителей - маленький, широкоплечий, со шрамом на щеке, носит светлый плащ с поясом, верно? И коричневую шляпу?

- Да, его зовут Демарль. Сейчас выясняем насчет его судимостей. Похоже, он стреляный и не раз входил в конфликт с законом.

- А Браншо, по кличке Мимиль? Рамочный мастер?

- Не судим. Долго проживал в Марселе, но сам родом из Рубэ.

- Ну, пока.

На первой полосе газеты поместили фотографии грабителей в наручниках, а также снимок миллионера на ипподроме в Лонашне: он был в визитке и светло-сером цилиндре. Мила уставился в объектив с иронической улыбкой. Демарль, матрос со шрамом, казалось, удивлен тем, что с ним произошло; рамочник закрыл лицо руками. Дозорный, одетый в мешковатый костюм, всем видом доказывал, что он всего лишь второстепенный персонаж на подхвате.

"Расследование, которое терпеливо вел в течение двух лет старший комиссар службы национальной безопасности Грожан, увенчалось успехом".

Мегрэ пожал плечами. Он думал сейчас не столько о пойманных проходимцах, сколько, сам того не желая, об Антуане Батийле. Комиссар часто любил повторять: изучая жертву, дойдешь до убийцы.

В светло-голубом небе светило тусклое солнце. Термометр показывал градуса три тепла; в большей части Франции, исключая Западное побережье, подмораживало. Мегрэ натянул пальто, взял шляпу и заглянул к инспекторам. - Буду примерно через час, ребята. На этот раз он в одиночестве. Ему очень хотелось побывать на набережной Анжу одному. Он пошел по набережным, потом свернул на мост Мари. В зубах у него была трубка, руки засунуты в карманы. Он мысленно проделывал маршрут, по которому шел юноша с магнитофоном той ночью с 18 на 19 марта, ставшей для него последней.

Еще издали комиссар увидел обрамляющие подъезд полосы черного крепа с огромными буквами "Б", бахромой и серебряными блестками. Входя в дом, он увидел привратницу, наблюдавшую за посетителями. Она была молоденькая, аппетитная. Белый ворот и манжеты платья придавали ему вид форменного. Перед привратницей Мегрэ помедлил - просто так, потому что искал он наудачу. Пройдя мимо нее, он поднялся на лифте. Дверь Батийлей была напротив. Он вошел и направился в небольшую гостиную, где стоял гроб. Стоявшая у дверей старая дама с большим достоинством кивнула ему. Какая-нибудь родственница? Знакомая или экономка, представляющая семью? Мужчина со шляпой в руке шевелил губами, читая про себя молитву. Женщина - вероятно, коммерсантка и соседка по кварталу - стояла на коленях на молитвенной скамеечке. В гроб Антуана еще не водворили: он покоился на погребальном столе со сложенными руками, вокруг которых были обвиты четки. В пляшущем свете свечей лицо его казалось очень юным. Ему можно было дать скорее лет пятнадцать, чем двадцать один. Его не только побрили, но и подстригли ему длинные волосы: без сомнения, для того, чтобы посетители не принимали его за хиппи.

Мегрэ тоже пошевелил губами, но сделал это машинально, без убежденности, потом вернулся в холл, ища, к кому бы обратиться. Навстречу ему попался камердинер в полосатом жилете, везший в большую гостиную пылесос.

- Я хотел бы видеть мадемуазель Батийль, - сказал комиссар. - Меня зовут Мегрэ.

Камердинер поколебался, но все же удалился, пробормотав:

- Если только она встала.

Мину, видимо, уже проснулась, но готова еще не была: Мегрэ прождал добрых десять минут, прежде чем она вышла в пеньюаре и домашних туфлях на босу ногу.

- Вы что-нибудь обнаружили?

- Нет, я только хотел побывать в комнате вашего брата.

- Извините, что принимаю вас в таком виде, но я плохо спала да и вообще не привыкла рано вставать.

- Ваш отец здесь?

- Нет, ему пришлось поехать в контору. Мать у себя, но я ее сегодня еще не видела. Пойдемте.

Они проследовали по одному коридору, потом свернули в другой. Проходя мимо открытой двери, за которой Мегрэ заметил неприбранную постель и поднос с завтраком, она объяснила:

- Это моя комната. Там беспорядок, не обращайтесь внимания.

Они миновали еще две двери и очутились в комнате Антуана. Через окно, выходящее во двор, в комнату падали косые солнечные лучи. Скандинавская мебель выглядела просто и естественно. Книжные полки во всю стену: на них книги, пластинки, на двух - магнитофонные кассеты. На письменном столе - книги, тетради, цветные карандаши; в стеклянном блюде - три карликовые черепашки, плавающие в двух сантиметрах воды.

- Ваш брат любил животных?

- Это уже почти прошло. Раньше он притаскивал сюда всяческую живность: ворону со сломанным крылом, хомяков, белых мышей, метрового ужа. Собирался их приручить, но ничего не выходило.

В комнате стоял также огромный глобус на ножке, на маленьком столике лежали флейта и ноты.

- Он играл на флейте?

- Взял несколько уроков. Где-то тут должна быть еще электрогитара... Учился он играть и на рояле...

- Наверное, недолго? - улыбнулся Мегрэ.

- Все его увлечения длились недолго.

- Кроме магнитофона.

- Вы правы. Он занимался им уже больше года.

- Он строил планы на будущее?

- Нет. Во всяком случае, ни с кем не делился. Папа хотел, чтобы он записался на естественнонаучный факультет, занялся химией и продолжил отцовское дело.

- Антуан не согласился?

- Торговля внушала ему отвращение. Мне кажется, он стыдился, что он - сын фабриканта духов "Милена".

- А вы?

- Мне все равно.

Было приятно находиться в этой комнате, среди вещей хоть и разношерстных, но, казалось, знакомых. Чувствовалось, что здесь жили долго и устроили все по-своему. Мегрэ взял наудачу с полки одну из кассет, но на ней был только номер.

- Здесь где-то должна быть тетрадь, в которой он вел каталог, - сказала Мину. - Погодите.

Она принялась выдвигать ящики стола, в большинстве своем набитые всякой всячиной. Некоторые бумаги и вещи лежали здесь, видимо, с первых лет лица.

- Вот. Надеюсь, здесь записано все: он вел каталог очень тщательно.

Простая школьная тетрадь в клеточку. На обложке цветными карандашами Антуан прихотливо вывел: "Мои опыты".

Первая запись гласила: "Кассета 1. Семья за воскресным столом".

- Почему воскресным? - поинтересовался Мегрэ.

- Потому что в другие дни отец редко завтракает с нами. А по вечерам они с матерью часто обедают в городе или принимают гостей.

Значит, первую запись он все-таки посвятил семье.

"Кассета 2. Южная автострада в субботу вечером".

"Кассета 3. Лес Фонтенбло, ночью".

"Кассета 4. Метро в 8 вечера".

"Кассета 5. Полдень на площади Оперы".

Дальше шли антракт в театре Жимназ, кафе самообслуживания на улице Понтье, аптечный магазин на Елисейских полях.

"Кассета 10. Кафе в Пюто".

Любопытство юноши росло, и незаметно для себя он изменил социальную сферу своих исследований: проходная завода, танцульки на улице Лапп, бар на улице Гравилье, окрестности канала Сен-Мартен, бал цветов в Лавиллет, кафе в Сен-Дени. Его интересовал уже не центр Парижа, а окраины, почти трущобы.

- Это в самом деле было опасно?

- Более или менее. Ходить туда, скажем так, не рекомендуется; он был прав, что не брал вас с собой. Люди, которые бывают в этих местах, не любят, когда в их дела суют нос чужаки, тем более с магнитофоном.

- Думаете, из-за этого..?

- Не знаю... Не уверен... Чтобы ответить определенно, нужно прослушать все кассеты. Судя по тому, что я вижу, это займет часы, если не дни.

- Так вы не будете их слушать?

- Если бы можно было забрать их на время, я поручил бы одному из своих инспекторов...

- Я не могу взять на себя такую ответственность. Понимаете, после смерти брат стал чем-то вроде святыни, и все его вещи приобрели новую ценность. Раньше с ним обращались, как со взрослым мальчишкой; это его страшно злило. Но он и в самом деле в некоторых отношениях оставался ребенком.

Взгляд Мегрэ скользил по стенам, по фотографиям обнаженных красоток из американских журналов.

- Ив этом смысле, - прервала она, - брат тоже был совсем мальчишкой. Убеждена, что он ни разу не спал с девушкой. Ухаживал за некоторыми из моих подруг, но дело ни до чего не доходило.

- У него была машина?

- На двадцатилетие родители подарили ему небольшой английский автомобиль, В течение двух месяцев он проводил все свободное время за городом и оборудовал машину всеми мыслимыми приспособлениями. После этого потерял к ней всякий интерес и ездил лишь по необходимости.

- А в свои ночные экспедиции?

- Никогда... Пойду спрошу у мамы, можно ли отдать вам кассеты. Надеюсь, она уже встала. Была половина одиннадцатого. Девушка отсутствовала довольно долго.

- Разрешила, - сообщила она, вернувшись. - Единственное, о чем она просит, - это чтобы вы поймали убийцу. Отец, кстати говоря, подавлен еще больше, чем она. Это его единственный сын. С тех пор, как это произошло, он перестал с нами говорить, уезжает в контору ни свет ни заря. Как

бы нам все это упаковать? Нужен чемодан или большая коробка. Лучше чемодан... Пойдите, я, кажется, знаю, где его взять.

На чемодане, который она принесла через минуту, была золотая корона торговца кожаными изделиями с улицы Руайаль.

- Вы знаете Филиппа Лербье?

- Его знают родители. Они обедали у него несколько раз, но дружбой это назвать нельзя. Это человек, который занимается в основном разводами, да?

- Этой ночью едва не ограбили его загородный дом. Вы не слушаете радио?

- Только на пляже, музыку.

Она помогла Мегрэ уложить кассеты в чемодан и сунула сверху каталог.

- Больше вас ничего не интересует? Можете приходить и спрашивать в любое время, а я обещаю отвечать так же искренне, как до сих пор. - Она явно была воодушевлена тем, что помогает полиции. - Я вас не провожаю: в таком виде я не могу пройти мимо комнаты, где лежит брат. Люди сочтут это неуважением. Почему, когда человек умер, его начинают уважать, хотя при жизни только третировали?

Мегрэ вышел, немного стесняясь чемодана, особенно когда проходил мимо привратницы. Ему повезло: только что вышедшая из такси женщина расплачивалась с водителем, так что ловить машину не пришлось.

- Набережная дез Орфевр.

Он стал размышлять: кому поручить заняться записями Антуана Батийля. Это должен быть кто-то, кто хорошо знает места, где делались записи, а также людей, которые там бывают. В конце концов в глубине коридора он наткнулся на коллегу из отдела охраны нравственности - так теперь называлась бывшая полиция нравов. Тот, увидев Мегрэ с чемоданом, иронически заинтересовался:

- Пришли попрощаться перед переездом?

- У меня здесь записи, сделанные в основном на окраинах Парижа: в танцевальных залах, кафе, бистро.

- Думаете, это будет мне интересно?

- Скорее всего, нет, но это интересно мне и, возможно, связано с одним делом.

- Убийство на улице Попенкур?

- Между нами, да. Я предпочел бы, чтобы об этом никто не знал. Среди ваших людей должен быть кто-то, кто знает эту среду и кому эти записи могут что-нибудь подсказать.

- Понимаю... Например, помогут распознать какого-нибудь опасного типа, который, боясь быть уличенным...

- Совершенно верно.

- Старик Манжо - вот кто вам нужен. Работает уже почти сорок лет. Знает обитателей этих мест лучше, чем кто бы то ни было.

Этого человека Мегрэ знал.

- У него есть свободное время?

- Сделаю так, чтобы было.

- А он умеет пользоваться этими аппаратами? Пойду поищу магнитофон у себя.

Когда Мегрэ вернулся, в кабинете начальника отдела нравственности сидел печальный человек с дряблым лицом и тусклыми глазами. Это был один из низкооплачиваемых сотрудников полиции, из тех, что по необразованности не могли и мечтать о повышении. Эти люди, вынужденные с утра до вечера ходить по Парижу, со временем приобретали походку метрдотелей

и официантов, которые проводят на ногах целый день. Про них говорили, что они становятся такими же бесцветными, как бедные кварталы, по которым они таскаются.

- Эту модель я знаю, - сразу объявил Манжо. - Кассет много?
- Штук пятьдесят, а то и больше.
- Полчаса на кассету. Срочно?
- Довольно срочно.
- Я дам кабинет, где ему не будут мешать, - прервал шеф бывшей полиции нравов.

Мегрэ подробно объяснил, что нужно сделать; Манжо кивнул, взял чемодан и ушел. Коллега Мегрэ тихо сказал:

- Не бойтесь... Он только с виду развалина. Он из тех, у кого больше нет иллюзий, но это один из самых ценных моих сотрудников. Настоящая гончая. Стоит дать ему понюхать след, и он, нагнув голову, бросается вперед.

Мегрэ вернулся к себе в кабинет; минут через десять позвонил следователь.

- Я несколько раз пытался до вас дозвониться. Прежде всего, поздравляю с ночной операцией.
- Все сделали люди с улицы де Соссэ.
- Я собираюсь к прокурору, он восхищен. В три часа этих субъектов доставят ко мне. Я хотел бы, чтобы вы при этом присутствовали - вы лучше меня знаете дело. Когда с ограблениями будет покончено, можете, если считаете нужным, забрать их к себе. Я знаю, у вас свой метод вести допрос... - Благодарю. В три буду у вас в кабинете.

Мегрэ открыл дверь в инспекторскую.

- Можешь со мной позавтракать, Жанвье?
- Да, шеф. Вот допишу донесение .. Вечные рапорты, писанина...
- А ты, Лапуэнт?
- Вы же знаете: я всегда свободен. Это означало, что они втроем пойдут завтракать в "Пивную Дофина".

- Встречаемся в половине первого. Мегрэ не забыл позвонить жене, а та не преминула, как обычно, спросить:

- Обедать придешь? Жаль, что не пришел завтракать: я приготовила устрицы.

Каждый раз, когда Мегрэ ел не дома, жена, как назло, готовила его любимые блюда. Впрочем, в "Пивной Дофина", быть может, тоже будут устрицы...

Когда в три часа Мегрэ вступил в длинный коридор, куда выходили двери следовательских кабинетов, засверкали фотовспышки и человек десять репортеров бросились к нему.

- Вы будете присутствовать при допросе гангстеров? Комиссар попытался проскользнуть между ними, не отвечая ни да, ни нет.

- Почему пришли вы, а не комиссар Грожан?
- Ей богу, понятия не имею. Спросите у следователя.
- Убийством на улице Попенкур занимаетесь вы, не так ли?

Отрицать это причин у Мегрэ не было.

- Не связаны ли, случайно, эти два дела?
- Господа, в настоящий момент я не могу ничего сказать.
- Но вы ведь не ответили "нет"?
- Напрасно вы делаете из этого выводы.
- Вы были этой ночью в Жуи-ан-Жозас, верно?

- Не отрицаю.
- На каком основании?
- Коллега Грожан ответит более авторитетно.
- Это ваши люди напали в Париже на след грабителей?

По обеим сторонам дверей в кабинет следователя, между жандармами, на двух скамьях, сидели в наручниках четверо мужчин, арестованных ночью, и не без удовольствия наблюдали за происходящим. Из глубины коридора появился коротконогий тучный адвокат; его мантия развевалась, словно он взмахивал крыльями. Заметив комиссара, он подошел и пожал ему руку.

- Как дела, Мегрэ?

Вспышка. Рукопожатие было сфотографировано так, словно всю сцену они отрепетировали заранее.

- Кстати, а почему вы здесь?

Мэтр Гюэ не случайно задал этот вопрос в присутствии журналистов. Искусный и ловкий адвокат, он защищал, как правило, преступников высокого полета. Он был широко образован, любил музыку и театр, присутствовал на всех генеральных репетициях и крупных концертах, что позволило ему войти в "Весь Париж".

- Почему мы не входим?

- Не знаю, - не без иронии ответил Мегрэ. Низенький широкоплечий Гюэ постучал, открыл дверь и пригласил комиссара войти.

- Добрый день, дорогой господин следователь. Вы не слишком огорчены тем, что я здесь? Мои клиенты... Следователь пожал руку ему, потом Мегрэ.

- Садитесь, господа. Сейчас введут подследственных. Надеюсь, вы не боитесь их и жандармов можно оставить за дверью?

С арестованных сняли наручники. В не очень просторном кабинете стало тесно. У края стола сел письмоводитель. Из кладовки принесли недостающий стул. Четверо мужчин уселись по обе стороны адвоката; Мегрэ устроился поодаль, на заднем плане.

- Как вам известно, мэтр, я должен, прежде всего, установить личность подозреваемых. Пусть каждый отзывается, когда услышит свое имя. Жюльен Мила!

- Я.

- Фамилия, имя, адрес, место и год рождения, профессия?

- "Мила" через два "л"? - спросил письмоводитель, который вел протокол.

- Через одно.

Процедура длилась довольно долго. Демарль, человек со шрамом и бицепсами ярмарочного борца, родился в Кемпере. Был матросом, в настоящее время безработный.

- Ваш адрес?

- То здесь, то там. Всегда найдется друг, который приютит.

- Другими словами, у вас нет постоянного места жительства?

- На пособие по безработице, сами понимаете... Четвертый, тот, кто стоял на стреме, жалкий болезненный субъект, заявил, что он рассыльный и живет на Монмартре, на улице Мон-Сени.

- С каких пор вы входите в шайку?

- Извините, господин следователь, - прервал Гюэ. - Сначала нужно доказать, что шайка существует.

- Я хочу задать вопрос вам, мэтр. Кого из этих людей вы представляете?

- Всех четверых.

- А вы не думаете, что в процессе следствия между ними из-за различия интересов могут возникнуть разногласия?

- Сильно сомневаюсь, но если это произойдет, я обращусь к коллегам. Согласны, господа? Все четверо кивнули.

- Поскольку мы находимся на предварительном этапе расследования, я хотел бы обратить внимание на этическую сторону дела, - продолжал Гюз с улыбкой, не предвещавшей ничего хорошего. - Вам должно быть известно, что сегодня утром это дело пробудило большой интерес у прессы. Мне довольно много звонили по телефону, и в результате я получил сведения, которые меня удивили, если не сказать - поразили.

Он откинулся назад и закурил. Следователь несколько пасовал перед этим светилом адвокатуры.

- Я вас слушаю.

- Арест был произведен не так, как это обычно делается. Три машины, снабженные радиостанциями, причем, одна из машин набита инспекторами в штатском, останавливаются в том же месте и примерно в то же время, что и мои клиенты. Создается впечатление, что полиция заранее знала, что должно произойти. Во главе этого кортежа находится присутствующий здесь комиссар Мегрэ с двумя своими сотрудниками. Так, комиссар?

- Так.

- Вижу, что мои осведомители не ошиблись. Видимо, кто-то с улицы де Соссэ. Какой-нибудь чиновник, дактилоскопист?

- Я полагал, всегда полагал, что территория уголовной полиции ограничивается Парижем. Пусть даже большим Парижем, но Жуи-ан-Жозас в него все равно не входит.

Адвокат добился, чего хотел. Он взял допрос в свои руки, и следователь не знал, каким образом заставить его замолчать.

- Не получилось ли так из-за того, что сведения о..., скажем, о попытке ограбления исходили от уголовной полиции? Не ответите ли вы, Мегрэ?

- Мне нечего сказать.

- Вы там не были?

- Я здесь не затем, чтобы меня допрашивали.

- И все же я задам вам еще один, более важный вопрос. Не занимаясь ли другим делом, тоже недавним, вы напали на след этого?

Мегрэ продолжал безмолвствовать.

- Мэтр, прошу вас... - вмешался следователь.

- Одну минутку! Как мне сообщили, инспекторы уголовной полиции два последних дня следили за лавкой Эмиля Браншо. Комиссара Мегрэ дважды видели в кафе на площади Бастилии, где позавчера совершенно случайно собрались мои клиенты; он расспрашивал официантов, пытался выведать что-то у хозяина. Это так? Извините, господин следователь, я хотел только придать этому делу верную перспективу, которая вам, возможно, и неизвестна.

- Вы закончили, мэтр?

- Пока да.

- Могу я допросить первого из подозреваемых? Жюльен Мила, не скажете ли вы, кто указал вам на виллу Филиппа Лербье и сообщил о наличии там ценных картин?

- Рекомендую моему клиенту не отвечать.

- Отвечать не буду.

- Вы подозреваетесь в участии в двадцати одном ограблении вилл и замков, совершенном в течение последних двух лет при одинаковых обстоятельствах.

- Мне нечего сказать.

- Тем более, - вмешался адвокат, - что у вас нет никаких доказательств, господин следователь.

- Повторяю в обобщенном виде свой первый вопрос. Кто указал вам на эти виллы и замки? Кто - а это явно один и тот же человек - взялся продавать похищенные картины и предметы искусства?

- Мне ничего обо всем этом не известно.

Следователь вздохнул и перешел к рамочнику; Мимиль был столь же несловоохотлив. Что до матроса Демарля, тот просто стал ломать комедию. Единственным, кто отнесся к допросу иначе, был дозорный по имени Гувьон - тот, что не имел постоянного места жительства.

- Мне непонятно, что я здесь делаю? С этими господами я незнаком. В том месте я оказался, потому что искал уголок потеплее, где завалиться спать.

- Это и ваша точка зрения, мэтр?

- Я полностью с ним согласен и обращаю ваше внимание, что он ранее к суду не привлекался.

- Кто хочет добавить еще что-нибудь?

- Я рискую повториться, но мне хотелось бы задать один вопрос. Какую роль играет здесь комиссар Мегрэ? И что будет после того, как мы покинем этот кабинет?

- Я не обязан вам отвечать.

- Не означает ли это, что сейчас будет произведен еще один допрос, но уже не во Дворце правосудия, а в помещении уголовной полиции, куда я не имею доступа? Другими словами, что речь пойдет не об ограблении, а о совершенно ином деле?

- Сожалею, мэтр, но мне нечего вам сказать. Благоволите попросить ваших клиентов подписать черновик протокола, который к завтрашнему дню будет отпечатан в четырех экземплярах.

- Можете подписать, господа.

- Благодарю вас, мэтр.

Следователь встал и направился к двери; адвокат неохотно последовал за ним.

- Я выражаю несогласие...

- Оно занесено в протокол, - ответил следователь и обратился к жандармам:

- Наденьте заключенным наручники и отведите их в уголовную полицию. Можете пройти через внутреннюю дверь. Комиссар, задержитесь на минутку.

Мегрэ снова сел.

- Что вы об этом думаете?

- Думаю, что в данную минуту мэтр Гюэ информирует журналистов и раздувает дело как только может, так что в завтрашних, а может, даже в сегодняшних вечерних газетах, оно займет не меньше двух колонок.

- Это вас беспокоит?

- Затрудняюсь ответить. Еще недавно я сказал бы "да". Я намеревался провести между этими делами разделительную черту и не позволить газетчикам объединить их. Теперь же... - Мегрэ умолк, взвешивая все "за" и "против", потом продолжал:

- Быть может, так оно и лучше. Если создать замешательство, то не исключено, что...

- Думаете, один из этих четверых?..

- Не берусь ничего утверждать. В кармане у матроса, кажется, нашли нож, похожий на тот, которым совершено убийство на улице Попенкур. Этот матрос носит светлый плащ с поясом и коричневую шляпу. На всякий случай сегодня вечером я покажу его Пальятти на той же улице,

при том же освещении, но это ничего не решает. Старуха со второго этажа тоже заявит, что узнала его...

- На что вы надеетесь? - Не знаю. Ограблениями занимается улица де Соссэ. Меня же интересуют семь ударов ножом, стоивших жизни молодому человеку.

Когда Мегрэ вышел из кабинета следователя, журналистов уже не было: они ожидали его в том же, если даже не более многочисленном составе в коридоре уголовной полиции. Четверых подозреваемых видно не было: их отвели в кабинет и сторожили там.

- Что происходит, комиссар?

- Ничего особенного.

- Вы занимаетесь ограблением в Жуи-ан-Жозас?

- Вам прекрасно известно, что оно не имеет ко мне отношения.

- Почему этих четверых привели сюда, а не отправили на улицу де Соссэ?

- Ладно! Сейчас я все вам расскажу.

Комиссар внезапно решил. Гюэ, разумеется, сказал им о связи между этими делами. В газетах появится не особенно точная и тенденциозная информация, так не лучше ли рассказать правду?

- У Антуана Батийля, господина, была страсть, он записывал то, что сам называл человеческими документами. С магнитофоном на ремне он отправлялся в публичные места-кафе, бары, танцевальные залы, рестораны, даже в метро и незаметно включал аппарат. Во вторник вечером, около половины десятого, он находился в кафе на площади Бастилии и, по обыкновению, включил магнитофон. За соседним столиком сидели...

- Грабители.

- Трое из них. Дозорного там не было. Качество записи невысокое. Тем не менее можно разобрать, что речь идет о послезавтрашней встрече, а также о том, что какая-то вилла находится под наблюдением. Меньше чем через час, на улице Попенкур на молодого человека нападают и наносят семь ножевых ранений, одно из которых оказалось смертельным.

- Вы считаете, что это был один из четырех грабителей?

- Я ничего не считаю, господина. Моя работа заключается не в том, чтобы считать, а в том, чтобы собирать улики и добиваться признания.

- Нападавшего кто-нибудь видел?

- Двое прохожих, находившихся на определенном расстоянии, и дама, живущая напротив места преступления.

- Вы считаете, грабители поняли, что их разговор записан?

- Повторяю еще раз: я ничего не считаю. Это одна из возможных гипотез.

- Значит, один из них шел за Батийлем, пока они не очутились в достаточно пустынном месте и... Убийца забрал магнитофон?

- Нет.

- Как вы это объясняете?

- Никак.

- Прохожие, о которых вы упомянули... Речь, видимо, идет о супругах Пальятти? Видите, нам известно больше, чем кажется. Стало быть, эти Пальятти бросились вперед и помешали ему...

- Нет. Он нанес четыре удара. Отошел, потом вернулся назад и ударил еще трижды. Он вполне мог сорвать магнитофон с шеи у жертвы.

- Таким образом, тут ничего не ясно?

- Я собираюсь допросить этих господ.

- Всех вместе?
- По очереди.
- С кого начнете?
- С матроса Ивона Демарля.
- Как скоро вы закончите?
- Понятия не имею. Можете оставить здесь кого-нибудь одного.
- И пойти выпить пива? Прекрасная мысль! Спасибо, комиссар.

Мегрэ тоже охотно выпил бы пива. Он зашел в кабинет и позвал Лапуэнта, знавшего стенографию.

- Садись, будешь записывать, - буркнул он и обратился к Жанвье:
- Приведи-ка сюда того, чья фамилия Демарль.

Бывший матрос вошел со скованными руками впереди.

- Сними с него наручники. А вы, Демарль, садитесь.
- Что вы хотите мне устроить? Карусель? Имейте в виду я упрямый и не позволю...
- Скоро кончишь?
- Я спрашиваю, почему там, наверху, меня допрашивали в присутствии адвоката, а здесь я один...

- Это объяснит вам господин Гюэ при следующей встрече. Среди отобранных у вас предметов имеется складной нож...

- Значит, вы из-за этого притащили меня сюда? Да я уже лет двадцать таскаю его в кармане. Его подарил мне дружок, когда я еще рыбачил в Кемпере - до того, как поступил на трансатлантик.

- Давно вы им пользовались в последний раз?
- Я каждый день режу им мясо, как в деревне. Может, это не слишком элегантно, но...
- Во вторник вечером вы с двумя приятелями были в кафе "Друзья" на площади Бастилии.
- Вам видней. А я, знаете, назавтра уже не помню, что делал накануне. Котелок у меня не очень-то.

- Там были Мила, рамочник и вы. Вы разговаривали об ограблении, правда, обиняками; вам было поручено добыть машину. Где вы ее украли?

- Что?
- Машину.
- Какую машину?
- Вы, конечно, понятия не имеете, где находится улица Попенкур?
- Я не парижанин.
- Никто из вас не заметил, как за соседним столиком молодой человек включил магнитофон?
- Чего?
- Вы не вышли следом за этим молодым человеком?
- Зачем? Уверяю вас, это не по моей части.
- Ваши сообщники не поручали вам завладеть кассетой?
- Ну и дела! Теперь какая-то кассета! Это все?
- Все, - отрезал Мегрэ и обратился к Жанвье:
- Забирай его в свободный кабинет. Все сначала.

Жанвье должен был задавать ему те же вопросы, примерно теми же словами и в той же последовательности. Потом его сменит третий инспектор.

В данном случае Мегрэ не очень-то верил в успех, но это было единственным действенным средством. Такой допрос мог длиться часами. Однажды после тридцатидвухчасовой карусели человек, которого допрашивали в качестве свидетеля, признался в совершении преступления. А ведь полицейские несколько раз готовы были его отпустить - так ловко прикидывался он невиновным.

- Приведите Мила, - сказал комиссар Лурти, заглянув в инспекторскую.

Бармен знал, что он хорош собой, считал себя умней и опытней сообщников и, казалось, играл свою роль не без удовольствия.

- Вот как! Болтуна здесь нет? - спросил он, не увидев адвоката. - Вы считаете себя вправе допрашивать меня в его отсутствие?

- Это мое дело.

- Я сказал это просто потому, что мне не хотелось бы, чтобы из-за мелочи процедуру сочли незаконной.

- За что вы судились в первый раз?

- Не помню. Да к тому же у вас наверху есть мое дело. Вы лично мной никогда не занимались, но лавочку вашу я малость знаю.

- Когда вы заметили, что ваш разговор записывают?

- О каком разговоре и о какой записи вы говорите?

У Мегрэ хватило терпения задать все намеченные вопросы, хотя он и знал, что это бесполезно. Сейчас Лурти будет повторять их без передышки - так же, как это уже делает Жанвье. Настала очередь рамочника. На первый взгляд он казался робким, однако обладал не меньшим хладнокровием, чем остальные.

- Давно вы занимаетесь грабежом пустующих вилл?

- Как вы сказали?

- Я спрашиваю, давно ли...

Мегрэ было жарко, пот стекал у него по спине. Четверо подозреваемых явно успели сговориться. Каждый играл свою роль и не давал захватить себя врасплох неожиданными вопросами. Моряк-бродяга держался своей версии. Во-первых, он ни с кем не встречался на площади Бастилии. Во-вторых, во вторник вечером он искал, по его выражению, "хазу".

- В пустом доме?

- В незапертом... В доме или гараже...

В шесть вечера четверых мужчин отвезли на полицейской машине на улицу де Соссэ, где им предстояло провести ночь.

- Это вы, Грожан? Благодарю, что одолжили их на время... Нет, ничего я из них не вытянул. Это не мальчики из церковного хора.

- А я, что, сам не знаю? За ограбление во вторник они ответят - их взяли с поличным. Но насчет предыдущих, если только мы не найдем доказательства или свидетелей...

- Вот увидите, когда все появится в газетах, свидетели найдутся.

- Вы все еще считаете, что убийство на улице Попенкур дело рук одного из них?

- По правде говоря, нет.

- У вас есть какие-нибудь предложения?

- Нет.

- И что же вы намереваетесь делать?

- Ждать.

Так оно и было. Вечерние газеты уже опубликовали отчет о том, что произошло в коридоре судебных следователей, а также заявления, сделанные Мегрэ. "Убийца с улицы Попенкур?" Под этой шапкой была помещена фотография Ивона Демарля в наручниках у двери следователя Пуаре. В телефонном справочнике Мегрэ отыскал номер квартиры на набережной Анжу и набрал его.

- Алло? Кто у телефона?

- Камердинер господина Батийля.

- Господин Батийль у себя?

- Еще не вернулся. Он поехал к своему врачу.

- Говорит комиссар Мегрэ. Когда состоится похороны?

- Завтра в десять.

- Благодарю вас.

Уф! Для Мегрэ день закончился, и он позвонил жене, что едет обедать.

- После чего пойдем в кино, - добавил он. Это - чтобы развеяться.

Глава 5

На всякий случай Мегрэ взял с собой молодого Лапуэнта. Они стояли в толпе на набережной напротив дома, соседнего с домом покойного: зевак собралось столько, что пробраться ближе не было никакой возможности. Многие приехали на машинах, главным образом в лимузинах с шоферами; одни автомобили стояли вдоль набережной между мостами Луи Филиппа и Сюлли, другие - по ту сторону острова, на Бетюнской и Орлеанской набережных. Утро выдалось в пастельных тонах, свежее, ясное, веселое.

Машины останавливались перед подъездом, затянутым крепом, люди входили в дом, склонялись перед гробом и возвращались на улицу, чтобы присоединиться позже к похоронной процессии. Рыжий фотограф без шляпы бегал взад и вперед, то и дело нацеливаясь объективом на лица зевак. Некоторые из них, оскорбленные в своих чувствах, делали ему резкие замечания. Он, не обращая внимания, невозмутимо продолжал работать. Многие, особенно те, кто на него ворчал, были бы удивлены, если бы узнали, что он не представляет ни газету, ни журнал, ни какое-либо агентство, а находится здесь по приказанию Мегрэ. Комиссар рано утром поднялся в криминалистическую лабораторию и вместе с Мерсом выбрал Ван Амма, самого лучшего и расторопного полицейского фотографа.

- Мне нужны снимки всех зевак: сначала перед домом покойного, потом перед церковью, когда внесут гроб, потом при его выносе и, наконец, на кладбище. Когда фотографии будут готовы, изучите их под лупой. Возможно, один или несколько человек будут присутствовать во всех трех местах. Они-то мне и нужны. Увеличьте и отпечатайте, но только их самих, без окружающих.

Мегрэ невольно искал глазами светлый плащ с поясом и темную шляпу. Маловероятно, чтобы убийца остался в этой одежде; ее описание дано во всех утренних газетах. Теперь убийство на улице Попенкур окончательно связалось с делом об ограблении. Газеты пространно рассуждали о роли уголовной полиции и о вчерашних допросах; были опубликованы и фотографии четверых арестованных. В одной из газет под снимком матроса Демарля в шляпе и плаще стояла подпись: "Убийца?"

Толпа перед домом была разношерстной. Здесь стояли те, кто явился отдать покойному последний долг и теперь ждал минуты, чтобы занять место в погребальном кортеже. У края

тротуара находились в основном обитатели острова: привратницы и торговки с улицы Сен-Луи-ан-л'Иль.

- Такой милый мальчик! И такой застенчивый! Когда входил в магазин, обязательно приподнимал шляпу.

- Вот если бы только стригся малость покороче. Родителям - они ведь такие элегантные люди! - следовало сказать ему. Это отдавало дурным тоном.

Время от времени Мегрэ и Лапуэнт обменивались взглядами, и комиссару пришла в голову нелепая мысль: будь Антуан Батийль жив, с каким удовольствием потолкался бы он со своим микрофоном в этой толпе! Впрочем, будь он жив, толпы, разумеется, не было бы.

Подъехал катафалк и встал у обочины; позади него пристроились другие машины. Неужели в церковь Сен-Луи-ан-л'Иль, находящуюся в двухстах метрах, они поедут, а не пойдут?

Служащие похоронного бюро первым делом вытащили венки и букеты цветов, которыми украсили не только катафалк, но и три стоящие за ним автомобиля.

Среди ожидавших была еще одна категория людей, которые стояли отдельными группками - персонал фирмы "Милена". Многие девушки и молодые женщины были красивы и одеты с элегантностью, выглядевшей на утреннем солнце чуть-чуть агрессивно.

По толпе прошло движение, словно по рядам пробежала волна, и появились шестеро мужчин, несших гроб. Как только его задвинули в катафалк, из дому вышла семья покойного. Впереди шел Жерар Батийль с женой и дочерью. Лицо у него было осунувшееся, помятое. Он ни на кого не смотрел, но, казалось, удивился такому количеству цветов. Чувствовалось, что мыслями он где-то далеко и едва ли отдает себе отчет в происходящем. Г-жа Батийль держалась более хладнокровно, хотя и она несколько раз приложила платочек через легкую черную вуаль, закрывавшую ей лицо. Мину, которую Мегрэ впервые видел в черном, казалась еще выше и худощавее; она единственная обращала внимание на то, что происходит вокруг. Фотокорреспонденты, на этот раз настоящие, сделали несколько снимков. Из дому стали выходить тетушки, дядюшки, более отдаленная родня и, конечно, высокопоставленные служащие косметической фирмы.

Катафалк тронулся, за ним двинулись машины с цветами, следом пошли родственники, друзья, студенты, преподаватели и, наконец, соседи-коммерсанты. Часть зевак по мостам Мари и Сюлли направилась домой, другие проследовали к церкви. Мегрэ и Лапуэнт присоединились к последним. Пройдя немного, они увидели на улице Сен-Луи-ан-л'Иль толпу людей, которых не было на набережной Анжу. Церковь была уже почти полна. На улице слышался низкий рокот органа; гроб внесли в церковь и поставили на возвышение, усыпанное цветами. Многие остались снаружи. Служба началась при открытых дверях; солнце и утренняя свежесть проникали в церковь.

- Pater noster (Отче наш (лат.)) Преклонных лет священник, махая кропилом, обошел вокруг гроба, потом принялся кадить.

- Et ne nos inducat in tentationem...

- Amen (И не введи нас во искушение... Аминь! (лат.)) Ван Амм продолжал трудиться.

- Какое кладбище? - вполголоса спросил Лапуэнт, наклонившись к уху комиссара.

- Монпарнасское: у Батийлей там фамильный склеп.

- Мы поедем?

- Пожалуй, нет.

У церкви за порядком следили многочисленные полицейские. Ближайшие родственники сели в первую машину. Затем расселась более дальняя родня и сотрудники Батийля; многие друзья семьи спешили к своим машинам, протискиваясь сквозь толпу. Ван Амм в последнюю секунду влез в

маленький черный полицейский автомобиль, который ждал его в удобном месте. Толпа понемногу редела. На улице осталось лишь несколько небольших групп.

- Можно возвращаться, - вздохнул Мегрэ. Обогнув сзади собор Парижской Богоматери, они зашли в бар на углу Дворцового бульвара.

- Что будешь пить? - Белое вувре.

Слово "вувре" было написано мелом на витрине бара.

- Я тоже. Два вувре!

Около полудня в кабинете Мегрэ появился Ван Амм со снимками.

- Я еще не закончил, но мне хотелось показать вам кое-что уже сейчас. Мы втроем рассматривали снимки в сильную лупу, и вот что меня сразу поразило...

На первом, сделанном на набережной Анжу, виднелась лишь часть туловища и лица, поскольку в кадр влезла женщина, пытавшаяся протиснуться в первые ряды. Тем не менее на фотографии можно было четко различить мужчину в светло-бежевом плаще и темной шляпе. На вид ему было лет тридцать. Лицо неприметное; казалось, он хмурится, словно что-то рядом его раздражает.

- Вот снимок получше.

То же лицо, но уже увеличенное. Довольно пухлые, словно надутые губы, взгляд застенчивый.

- Это тоже на набережной Анжу. Посмотрим, будет ли он на фотографиях, снятых у церкви, - мы их сейчас печатаем. Эти я принес вам из-за плаща.

- Больше там никого не было в плащах?

- Многие, но только трое в плащах с поясом: пожилой бородатый мужчина и еще один, лет сорока, с трубкой в зубах.

- После завтрака принесите все, что найдете еще.

В сущности, плащ ничего особенного не означал. Если убийца Батийля прочитал утренние газеты, он знает, что в них есть его приметы. Зачем же в таком случае он станет одеваться так же, как в тот вечер на улице Попенкур? Потому что у него нет другой одежды? Или это вызов? Мегрэ позавтракал в "Пивной Дофина" вдвоем с Лапуэнтом: Жанвье и Люкас находились где-то в городе.

Раздавшийся в половине третьего телефонный звонок позволил Мегрэ немного расслабиться. Большая часть его тревог внезапно рассеялась.

- Алло! Комиссар Мегрэ?.. Сейчас с вами будет говорить господин Фремье, наш главный редактор. Не вешайте рубку.

- Алло! Мегрэ?

Они знали друг друга давно. Фремье был главным редактором одной из наиболее популярных утренних газет.

- Я не спрашиваю, как движется расследование. Позволил себе позвонить только потому, что мы получили занятное послание. Более того, оно пришло по пневматической почте (В Париже существует пневматическая почта для внутригородской корреспонденции), что для анонимки редкость.

- Слушаю вас.

- Вам известно, что сегодня утром мы опубликовали снимки членов шайки, арестованной в Жуи-ан-Жозас. Мой редактор настоял на том, чтобы под фотографией моряка поместить подпись: "Убийца?"

- Видел.

- Так вот: эту вырезку нам и прислали, а на ней зелеными чернилами крупно написано: "Нет!" В этот момент лицо Мегрэ и просветлело.

- Если позволите, я пришлю за ней рассыльного. Вы знаете, из какого почтового отделения ее отправили?

- С улицы Фобур-Монмартр. Комиссар, можно вас попросить не сообщать об этом моим коллегам? Я смогу опубликовать этот документ лишь завтра утром: его уже пересняли и сейчас делают клише. Конечно, если только вы не попросите держать его в секрете.

- Нет, напротив. Я хотел бы даже, чтобы вы его прокомментировали. Секунду... Лучше всего высказаться в том смысле, что это шутка, и подчеркнуть, что подлинный убийца не рискнул бы так себя компрометировать.

- Понимаю...

- Благодарю, Фремье. Сейчас я к вам кого-нибудь пришлю.

Мегрэ зашел в инспекторскую, послал человека на Елисейские поля и попросил Лапуэнта зайти к нему.

- Вы, кажется, повеселели, шеф?

- Не очень, не очень. Возможно, я и ошибаюсь, - ответил Мегрэ и рассказал о вырезке из газеты и о слове "Нет!", написанном зелеными чернилами. - Эти зеленые чернила мне не нравятся.

- Почему?

- Потому что человек, который нанес семь ударов ножом, если можно так выразиться, в два приема, под проливным дождем да еще когда неподалеку шла супружеская пара, а из окна смотрела женщина, - этот человек не совсем такой, как все. Мне часто приходило в голову, что люди, пишущие зелеными или красными чернилами, испытывают потребность выделиться и цветные чернила для них - лишь средство удовлетворить эту потребность.

- Вы хотите сказать, что это сумасшедший?

- Нет, так далеко я не захожу. Скорее, оригинал - они ведь бывают самые разные.

В кабинет вошел Ван Амм, неся на этот раз толстую пачку снимков - некоторые были еще влажными.

- Нашли человека в плаще где-нибудь еще?

- Не считая семьи и близких, во всех трех местах - на набережной Анжу, перед церковью и у склепа на Монпарнасском кладбище - фигурируют только трое.

- Показывайте.

- Сперва эта женщина.

Молодая, лет двадцати пяти девушка со взволнованным лицом. В ней чувствовались тревога и боль. Одета в черное, плохо сшитое пальто, лицо обрамлено спутанными волосами.

- Вы велели обращать внимание только на мужчин, но я подумал...

- Понятно.

Мегрэ пристально всмотрелся в незнакомку, словно силясь проникнуть в ее тайну. Выглядела она как девушка из простонародья, которая не придает особого значения своей внешности. Почему же она взволнована не меньше, чем члены семьи, и даже больше, чем, к примеру, Мину? Мину сказала, что ее брат, видимо, никогда не спал с женщиной. Точно ли это? Не ошиблась ли она? Неужели Антуан не мог завести себе подружку? Не из тех ли она девушек, которыми он мог заинтересоваться при своей склонности охотиться за человеческими голосами в самых густонаселенных районах?

- Как только закончим, вернешься на остров Сен-Луи, Лапуэнт. Не знаю, почему, но мне кажется, что она продавщица бакалейного или молочного магазина, словом, что-то в этом роде. Может быть, официантка в кафе или ресторане.

- А вот и второй, - объявил Ван Амм, показывая увеличенную фотографию мужчины лет пятидесяти.

Чуть больше беспорядка в одежде, и его можно принять за бродягу. С покорным видом он смотрит в пространство; что могло заинтересовать его на этих похоронах - совершенно непонятно. Трудно себе представить, что этот мужчина семь раз ударил молодого человека ножом, а потом скрылся. Батийль приехал на улицу Попенкур не на машине - это установили более или менее точно. Скорее всего, сел в метро на станции Вольтер, недалеко от места, где совершено нападение. Контролер метро почти ничего не помнил: за две минуты мимо него прошли на платформу несколько человек. Он компостировал билеты машинально, не поднимая головы.

- Если бы я разглядывал всех проходящих, у меня голова пошла бы кругом. Головы, головы, одни головы... Лица почти всегда хмурые...

Почему этот человек в поношенной одежде был и у дома, и у церкви, а потом еще поехал на Монпарнасское кладбище?

- Третий? - осведомился Мегрэ.

- Его вы знаете. Это тот, кого я показывал вам утром. Обратите внимание: он не прячется. Во всех трех местах он меня заметил. Здесь, на кладбищенской аллее, он смотрит удивленно, словно спрашивает себя, почему я снимаю толпу, а не гроб или родственников.

- Верно. Он не кажется ни встревоженным, ни озабоченным. Оставьте мне снимки. Рассмотрю их на досуге получше. Благодарю, Ван Амм. Передайте Мерсу, что я очень доволен вашей работой.

- Значит, я отправляюсь на остров показывать снимок девушки? - спросил Лапуэнт, когда они остались одни.

- Это бесполезно, но попробовать стоит. Посмотри-ка, Жанвье пришел?

Войдя в кабинет, Жанвье с любопытством взглянул на пачку снимков.

- Значит так, мой маленький Жанвье. Я хочу, чтобы ты отправился в Сорбонну. Думаю, тебе не составит труда узнать в канцелярии, какие лекции Антуан Батийль посещал особенно прилежно.

- Я должен порасспросить его товарищей?

- Обязательно Настоящих друзей у него, наверное, не было, но болтать с другими студентами ему, скорее всего, случалось. Вот первый снимок: сегодня утром на похоронах эта девушка казалась взволнованной; кроме того, она проводила гроб до самого кладбища. Может, кто-нибудь встречал ее с ним, может, он просто говорил о ней.

- Ясно.

- А это фотография человека в плаще, который был на набережной Анжу, затем у церкви, а потом на Монпарнасском кладбище. На всякий случай покажи и ее. Надеюсь, сегодня днем лекции есть, и ты успеешь к концу.

- С преподавателем говорить?

- Не думаю, чтобы у него была возможность познакомиться со своими учениками. Погоди-ка! Вот еще один снимок. Скорее всего, к делу он отношения не имеет, но пренебрегать не следует ничем.

Четверть часа спустя Мегрэ принесли вырезку из газеты с надписью "Нет", сделанной зелеными чернилами. Слово было написано печатными буквами высотой сантиметра два и жирно подчеркнуто. Восклицательный знак был на добрый сантиметр выше букв. Это напоминало бурный протест. Писавший был явно возмущен, что такого жалкого субъекта, как бывший моряк, могли принять за убийцу с улицы Попенкур.

С четверть часа Мегрэ неподвижно сидел над вырезкой и фотографиями и легонько посасывал трубку, потом почти машинально взялся за телефон.

- Алло! Фремье? Я боялся вас уже не застать. Благодарю за вырезку, она кажется мне очень любопытной. Сначала я хотел поместить в завтрашнюю газету небольшое объявление, но наш незнакомец их, возможно, не читает. Об этом деле еще будет статья?

- Наши репортеры изучают предыдущие ограбления. Некоторые работают в радиусе пятидесяти километров от Парижа, показывая снимки грабителей соседям владельцев обчищенных вилл.

- Не могли бы вы под статьей или статьями напечатать следующий текст: "Комиссар Мегрэ хотел бы знать, на чем основывает свое заявление тот, кто послал в редакцию газеты отправление по пневматической почте. Если у него есть какие-либо сведения на этот счет, комиссар просит связаться с ним письменно или по телефону".

- Понятно. Повторите, пожалуйста, я запишу дословно.

Мегрэ терпеливо повторил.

- Договорились! Я не только опубликую этот текст на первой полосе, но и возьму его в рамку. Но вы понимаете, что сумасшедшие сразу же примутся писать вам и звонить?

- Я привык, - улыбнулся Мегрэ. - Да и вы тоже.

Полиция и редакции газет...

- Ладно. Держите меня в курсе, пожалуйста.

Повесив трубку, комиссар погрузился в чтение вечерних газет, которые ему только что принесли; замечая какую-либо неточность, он всякий раз ворчал. В среднем на каждый абзац приходилось как минимум одно преувеличение, в результате чего воры превратились в самую таинственную и хорошо организованную банду в Париже. Последний заголовок гласил: "Когда будет арестован Мозг?"

Телевизионный сериал, да и только!

***

Вырезку из газеты Мегрэ послал в дактилоскопическую лабораторию, чтобы выяснить, нет ли на ней отпечатков пальцев. Ответ не заставил себя ждать.

- Два хороших отпечатка: большой и указательный пальцы. В картотеке их нет.

Это означало, что убийца Антуана Батийля никогда не был арестован и тем более осужден. Мегрэ не удивился и снова взялся за газеты, когда в кабинет ворвался возбужденный Лапуэнт.

- Удача, шеф! Или нет, скорее, везение! Вы были правы. Иду я по улице и вдруг вспомнил, что у меня кончились сигареты. Сворачиваю на улицу Сен-Луи-ан-л'Иль, захожу в кафе на углу и кого там вижу?

- Девушку, снимок которой я тебе дал.

- Точно! Она официантка. Черное платье, белый передник. За одним из столов играют в белот: мясник, бакалейщик, хозяин и еще один - он сидел ко мне спиной. Покупаю сигареты, сажусь за столик. Она спрашивает, что я буду пить, я заказываю кофе, и она идет к стойке. "Когда вы кончаете работу?", - интересуюсь я. Она удивляется: "По-разному. Сегодня в семь, потому что открывала я". Дает сдачу и уходит, не обращая на меня внимания. Я не стал говорить с ней при хозяине. Подумал, вы сами...

- Правильно.

- Она едва держится, чуть не плачет. Ходит, как в тумане, нос красный...

Жанвье вернулся на Набережную только в шесть.

- Там читают социологию; похоже, он не пропустил ни одной лекции. Я подождал во дворе. Смотрел на сидящих на скамьях студентов; когда лекция кончилась, они вышли на свежий воздух.

Спросил одного, другого, третьего - безуспешно. "Антуан Батийль? Про которого писали в газетах? Да, я встречался с ним, но мы не дружили. Вот если вы разыщете некоего Арто..." Третий студент, с которым я разговаривал, оглянулся и вдруг закричал вслед удаляющемуся парню: "Арто! Арто! К тебе пришли". Потом бросил мне: "Я побежал - опаздываю на поезд". Студенты разъезжались на мотоциклах и мопедах. Подходит высокий парень с бледным лицом и светло-серыми глазами, спрашивает: "Это вы хотели со мной поговорить?" - "Вы, кажется, были другом Антуана Батийля?" - "Другом - это слишком сильно сказано. Он трудно сходил с людьми. Считайте, что мы были приятелями: иногда поболтаем во дворе, иногда выпьем кружку пива. У него я был всего раз и чувствовал себя очень неловко. Я-то ведь сын привратницы с площади Данфер-Рошро. Я этого не стесняюсь. А у него не знал, как себя держать". - "На похоронах сегодня утром были?" - "Только в церкви. Потом была важная лекция". - "Не знаете, у вашего приятеля были враги?" - "Наверняка нет". - "Его любили?" - "Тоже нет. Он никем не интересовался, им тоже никто". - "А вы? Что о нем думаете?" - "Хороший малый. Был гораздо мягче, чем хотел казаться. На мой взгляд, был слишком мягок, чуть что - замыкался в себе". - "Он говорил с вами о магнитофоне?" - "Однажды даже попросил пойти с ним. Он был очень этим увлечен. Утверждал, что голос раскрывает человека гораздо полнее, чем изображение на фотоснимке. Помню его слова: "Есть множество охотников за лицами. Но охотников за звуками я больше не знаю". Надеялся получить к Рождеству новейший миниатюрный магнитофон японского производства. Такой, чтобы можно было спрятать в ладошке. Во Франции они еще не появились, но вроде вот-вот должны поступить. Он узнал о них из журналов".

Жанвье не преминул спросить у Арто, были ли у Батийля подружки.

- Нет, не было. Во всяком случае, насколько мне известно. Это не его стиль. К тому же он был скромный, замкнутый. Хотя уже несколько недель был влюблен. Он не удержался и рассказал мне. Ему нужно было с кем-то поделиться, а сестра постоянно его дразнила, делая вид, что девушка в доме - он, а парень - она. Я его девушки не видел, но знаю, что она работает на острове Сен-Луи. И он виделся с ней каждое утро в восемь. В этот час она в кафе одна. Хозяин еще спит, а хозяйка прибирается на втором этаже. Их беспрерывно отвлекали посетители, но все же несколько минут им удавалось побыть вдвоем.

- Это было в самом деле серьезно?

- Кажется, да.

- Что он намеревался делать?

- В каком смысле?

- Как он представлял свое будущее, например?

- В будущем году хотел записаться на лекции по антропологии. Мечтал получить место преподавателя в Азии, Африке, Южной Америке, чтобы изучать различные расы. Хотел доказать, что все они, в сущности, похожи друг на друга, что различия между ними сотрутся, как только условия существования станут одинаковыми на всех широтах.

- Жениться он не собирался?

- Пока не заговаривал об этом. Все случилось так недавно. Но в любом случае он не хотел брать в жены девушку из своей среды.

- Он был настроен против родителей, против семьи?

- Пожалуй, даже нет. Я помню, как он сказал мне однажды: "Когда возвращаюсь домой, мне кажется, что я попадаю в тысяча девятисотый год".

- Благодарю. Извините, что отнял у вас время. И Жанвье подвел итог:

- Что скажете, шеф? А вдруг у девчонки есть брат? Вдруг они зашли дальше, чем думает Арто? А брат вбил себе в голову, что сын владельца фирмы "Милена" никогда не женится на его сестре? Да вы понимаете, что хочу сказать...

- А ты, случаем, сам не из тысяча девятисотого года, старина?

- Разве такое не случается?

- Ты что, не следишь за статистикой? Число убийств на почве ревности уменьшилось больше чем вдвое; скоро они станут милым анахронизмом... Вообще-то Лапуэнт ее нашел, она, действительно, работает на острове Сен-Луи. Сегодня вечером попытаюсь с ней поговорить.

- Чем заняться теперь?

- Ничем. Чем угодно. Текучкой. Будем ждать.

В четверть седьмого Мегрэ пошел в "Пивную Дофина" выпить аперитив и застал там двоих коллег. На Набережной они часто не виделись неделями, замыкаясь каждый в своей службе. А "Пивная Дофина" была нейтральной территорией, где все рано или поздно встречались.

- Ну, как убийца с улицы Попенкур? Работаете теперь для улицы де Соссэ?

Без десяти семь Мегрэ уже прохаживался по улице Сен-Луи-ан-л'Иль и наблюдал, как девушка обслуживает клиентов. Хозяйка сидела за кассой, хозяин стоял за стойкой. Был оживленный час вечернего аперитива. В пять минут восьмого девушка скрылась и вскоре появилась в пальто, которое комиссар видел на фотографии. Сказав несколько слов хозяйке, она вышла и, не глядя по сторонам, направилась прямо к набережной Анжу. Мегрэ прибавил шагу и догнал ее.

- Прошу прощения, мадемуазель...

Явно вообразив невесть что, она почти побежала.

- Я комиссар Мегрэ. Мне бы хотелось поговорить об Антуане.

Девушка остановилась как вкопанная и с тоской посмотрела на него.

- Что вы сказали?

- Мне хотелось бы поговорить об...

- Я слышала, но мне непонятно. Я не...

- Отрицать бессмысленно, мадемуазель.

- Кто вам сказал?

- Ваша фотография или, скорее, ваши фотографии. Сегодня утром вы стояли перед домом покойного, ваши пальцы судорожно мяли носовой платок Вы были и у церкви, и на кладбище.

- Почему меня фотографировали?

- Если вы уделите мне несколько минут и прогуляетесь со мной, я все объясню. Мы ищем убийцу Антуана Батийля. Пока мы не напали на след, у нас ни одной серьезной зацепки. В надежде, что убийца появится на похоронах своей жертвы, я приказал фотографировать лица присутствующих на похоронах. Потом фотограф отобрал нескольких людей, которые были и на набережной Анжу, и у церкви, и на кладбище.

Девушка кусала губы. Непринужденно шагая по набережной, они прошли мимо дома Батийлей. Черный креп исчез. На всех этажах светились окна. Дом снова вошел в обычный жизненный ритм.

- Что вы от меня хотите?

- Чтобы вы рассказали все, что знаете об Антуане. Вы были самым близким для него человеком.

- Почему вы так сказали? - вспыхнула она.

- Это он так сказал, только немного по-другому. В Сорбонне у него был приятель...

- Сын привратницы?

- Да.

- Единственный его приятель... С другими он не чувствовал себя уверенно. Ему всегда казалось, что он не такой, как остальные.

- Вот он и дал понять этому Арго, что собирается на вас жениться.
- Вы уверены, что он это сказал?
- А вам он не говорил?
- Нет. Я не согласилась бы. Мы люди разного круга...
- Похоже, он не принадлежал ни к какому кругу, в том числе и к своему.
- Да и его родители...
- Как долго вы были знакомы?
- С тех пор, как я работаю в этом кафе. Месяца четыре. Я помню, это случилось зимой: когда я его увидела, в первый раз пошел снег. Антуан заходил каждый день за...
- Как скоро он стал поджидать вас у выхода?
- Через месяц, даже больше.
- Вы стали его любовницей?
- Ровно неделю назад.
- У вас есть брат?
- Двое. Один служит в армии, в Германии, другой работает в Лионе.
- Вы из Лиона?
- В Лионе жил отец. Он умер, семья рассеялась, и я оказалась с матерью в Париже. Мы живем на улице Сен-Поль. Я работала в универмаге, но не выдержала: там для меня слишком утомительно. Когда я узнала, что на улице Сен-Луи-ан-л'Иль требуется официантка...
- У Антуана были враги?
- Почему у него должны были быть враги?
- Его склонность ходить с магнитофоном в места, пользующиеся дурной славой...
- Там на него не обращали внимания. Он садился в уголке или становился у стойки. Два раза он брал меня с собой.
- Вы встречались с ним каждый вечер?
- Он приходил за мной в кафе и провожал домой. Раз или два в неделю мы ходили в кино.
- Могу я узнать, как вас зовут?
- Морисетта.
- Морисетта, а дальше как?
- Морисетта Галлуа.

Они повернули назад, медленно прошли по мосту Мари и оказались на улице Сен-Поль.

- Я пришла. Вы больше ничего не хотите спросить?

- Пока нет. Спасибо, Морисетта. Крепитесь.

Мегрэ вздохнул, поймал у метро такси и через несколько минут был дома. Он старался не думать о расследовании; включив по привычке телевизор, он тут же его выключил из опасения снова услышать об улице Попенкур и грабителях.

- О чем ты думаешь?

- О том, что мы идем в кино и что сегодня довольно тепло. Можно пройтись до Больших бульваров.

От прогулки Мегрэ почти всегда получал большое удовольствие. Через несколько шагов г-жа Мегрэ взяла его под руку, и они неторопливо пошли, порой останавливаясь и разглядывая витрины. Говорили о том о сем: о лице какого-нибудь прохожего, о платье, о письме от невестки. На этот раз Мегрэ очень хотел посмотреть вестерн; только у заставы Сен-Дени они нашли то, что

нужно. В перерыве комиссар выпил рюмку кальвадоса, жена удовольствовалась вербеновой настойкой.

В полночь свет в их квартире погас. Завтра суббота, 22 марта... Накануне Мегрэ и не вспомнил, что наступил первый день весны. Весеннее равноденствие... Засыпая, он видел свет, набережную Анжу, утро у дома покойного...

В девять позвонил следователь Пуаре.

- Ничего нового, Мегрэ?

- Пока нет, господин следователь. Во всяком случае, ничего конкретного.

- А вы не думаете, что этот матрос, как бишь его, Ивон Демарль...

- Я убежден, что если в деле с картинами он завяз по уши, то к убийству на улице Попенкур никакого отношения не имеет.

- Вам что-нибудь пришло в голову?

- Вроде кое-что вырисовывается. Пока очень неясно, поэтому ничего вам не скажу, однако на развитие событий надеюсь.

- Убийство из ревности?

- Не думаю.

- Ограбление?

- Пока не знаю, - отрезал Мегрэ, ненавидевший подобную классификацию.

События не заставили себя долго ждать. Через полчаса зазвонил телефон. Это был заведующий отделом информации одной из вечерних газет.

- Комиссар Мегрэ?.. Говорит Жан Роллан. Я вас не отвлекаю? Не пугайтесь, никаких сведений я у вас не прошу, хотя если что-нибудь есть, выслушаю с удовольствием.

Отношения с редактором этой газеты у Мегрэ были прохладные: редактор постоянно жаловался, что ему никогда не сообщают первому о важных событиях: "Только нам, ведь мы выпускаем еще три газеты. Было бы естественно..." Это была не война, но определенное взаимное недовольство. Именно поэтому звонил не сам редактор, а его подчиненный.

- Читали наши вчерашние статьи?

- Просмотрел.

- Мы пытались проанализировать возможность тесной связи между обоими делами. В конечном итоге количество "за" и "против" получилось одинаковым.

- Знаю.

- Так вот, после этой статьи в утренней почте мы нашли письмо, которое я вам сейчас прочитаю.

- Минутку. Адрес написан печатными буквами?

- Совершенно верно. Письмо тоже.

- На обычной бумаге, какую продают в конвертах по шесть листов в табачных и бакалейных лавках?

- И это верно. Вы тоже получили письмо?

- Нет. Продолжайте.

- Читайте: "Господин редактор! Я внимательно прочел в вашей уважаемой газете статьи, касающиеся так называемого дела об убийстве на улице Попенкур и дела о похищении картин. Ваш сотрудник пытается, хотя и безуспешно, установить связь между этими двумя делами. Я нахожу наивными предположения прессы, что на младшего Батийля нападение на улице Попенкур совершено из-за магнитофонной ленты. Кстати, разве убийца забрал магнитофон? Что же касается

матроса Демарля, то он никогда никого не убивал своим складным ножом. Такие ножи продаются во всех приличных скобяных лавках, и у меня есть тоже такой. Только вот моим действительно убит Антуан Батийль. Я не хвастаюсь, уверяю вас. Но и не горжусь. Напротив. Тем не менее вся эта шумиха меня утомляет. К тому же, мне не хотелось бы, чтобы из-за меня пострадал невинный Демарль. Если вам будет угодно, можете опубликовать это письмо. Гарантирую, что говорю правду. Благодарю вас. Преданный вам..." Подписи, конечно, нет. Думаете, это шутка, комиссар?

- Нет.

- В самом деле?

- Убежден. Я, разумеется, могу ошибаться, но очень вероятно, что письмо написано убийцей. Взгляните на штемпель и скажите, откуда оно отправлено.

- С бульвара Сен-Мишель.

- Можете его сфотографировать на случай, если захотите его воспроизвести факсимильно, но мне хотелось бы, чтобы до него дотрагивались как можно меньше.

- Надеетесь отыскать отпечатки пальцев?

- Почти уверен, что найду.

- Они были и на вырезке из газеты, на которой кто-то написал "Нет!" зелеными чернилами?

- Да.

- Я читал ваше обращение. Надеетесь, что убийца позвонит?

- Если он человек такого сорта, как я думаю, то да.

- Наверное, бесполезно спрашивать, что вы о нем думаете?

- Пока я обязан молчать. Я пошлю к вам кого-нибудь за письмом и после окончания дела сразу верну.

- Договорились. Удачи!

Мегрэ повернулся к дверям. В них стоял старый служитель Жозеф, а за ним виднелся мужчина в бежевой форме с широкими коричневыми лампасами на брюках. На бежевой фуражке сверкал герб в виде золотой короны.

- Этот господин настаивает на том, чтобы вручить вам лично небольшой пакет; я не смог ему помешать.

- В чем дело? - спросил комиссар у пришедшего.

- Поручение от господина Лербье.

- Торговца кожаными изделиями?

- Да.

- Ответ нужен?

- Об этом мне ничего не сказали, но пакет поручили передать лично в руки. Вчера в конце дня господин Лербье сам дал мне это поручение.

Мегрэ распаковал бежевую картонную коробку с неизменной короной и увидел черный бумажник крокодиловой кожи с золотыми уголками. Корона на бумажнике была тоже золотая. Внутри лежала визитная карточка с надписью: "В знак признательности". Комиссар положил бумажник обратно в коробку.

- Минутку, - обратился он к рассыльному. - Вы запакуете, безусловно, лучше меня.

- Вам не нравится? - удивился мужчина.

- Скажите вашему шефу, что я не привык получать подарки. Если хотите, прибавьте, что я тронут.

- Вы ему не напишете?

- Нет.

Настойчиво зазвонил телефон.

- Послушайте-ка! Идите заворачивать пакет в приемную. Я очень занят.

Оставшись наконец один, комиссар снял трубку.

Глава 6

- Спрашивают вас, господин комиссар, но назвать себя не хотят. Соединить? Человек утверждает, что вы знаете, кто он.

- Давайте.

Мегрэ услышал щелчок и слегка изменившимся голосом произнес:

- Алло!

После секундного молчания далекий собеседник, как эхо, повторил:

- Алло!

Оба были взволнованы, и Мегрэ дал себе слово избегать всего, что может испугать человека на другом конце линии.

- Вы знаете, кто с вами говорит?

- Да.

- Вам известно, как меня зовут?

- Имя не имеет значения.

- Вы не попытаетесь установить, откуда я звоню? Голос звучал нерешительно. Человеку явно не хватало уверенности, и он храбрился.

- Нет.

- Почему?

- Потому что это меня не интересует.

- Вы мне не верите?

- Верю.

- Вы считаете, что я - человек с улицы Попенкур?

- Да.

На этот раз молчание было более долгим, потом робкий тревожный голос спросил:

- Вы слушаете?

- Да.

- Письмо, которое я послал в газету, уже у вас?

- Нет, мне его прочли по телефону.

- А вырезку с фотографией вы получили?

- Да.

- Вы мне верите? Или считаете, что я тронутый?

- Я уже сказал...

- Что вы обо мне думаете?

- Во-первых, я знаю, что вы никогда не были под судом.

- Это по отпечаткам моих пальцев?

- Именно. Вы привыкли к скромной размеренной жизни.
  - Как вы догадались?
- Мегрэ замолчал, его собеседника вновь охватила паника.
- Не вешайте трубку.
  - Вам хочется многое мне сказать?
  - Не, знаю... Пожалуй. Не с кем поговорить.
  - Вы ведь холостяк, верно?
  - Да.
  - Живете один. Сегодня взяли выходной: вероятно, позвонили к себе в контору, что заболели.
  - Вы хотите, чтобы я сказал что-то, что поможет вам меня обнаружить. Вы уверены, что ваши техники не пробуют установить, откуда я звоню?
  - Даю вам слово.
  - Значит, не торопитесь арестовать меня?
  - Я - как вы. Радуюсь, что скоро все будет кончено.
  - Откуда вы знаете?
  - Вы написали в газеты...
  - Я не хотел, чтобы пострадал невинный.
  - Настоящая причина не в этом.
  - Полагаете, я добиваюсь, чтобы меня поймали?
  - Да, бессознательно.
  - Что еще вы обо мне думаете?
  - Вы чувствуете, что проиграли.
  - Сказать по правде, боюсь.
  - Чего? Ареста?
  - Нет... Не важно - чего... Я и так сказал уже слишком много. Мне хотелось с вами поговорить, услышать ваш голос. Вы меня презираете?
  - Я никого не презираю.
  - Даже преступников?
  - Даже их.
  - Вы знаете, что рано или поздно меня возьмете, да?
  - Да.
  - У вас есть ниточка?
- Чтобы поскорее с этим покончить, Мегрэ чуть было не признался, что уже располагает его фотографиями на набережной Анжу, у церкви и на Монпарнасском кладбище. Достаточно опубликовать их в газетах, как тут же найдутся люди, которые опознают убийцу Батийля. Комиссар не делал этого, потому что смутно чувствовал: человек этот не ожидает ареста и при угрозе его покончит с собой. Действовать нужно не спеша: пусть сам придет с повинной.
- Ниточка найдется всегда; трудно решить, не оборвется ли она.
  - Я скоро повешу трубку.
  - Что вы собираетесь делать сегодня?
  - Что вы имеете в виду?
  - Сегодня суббота. Воскресенье проведете за городом?

- Конечно, нет.
- У вас нет машины?
- Нет.
- Вы служите в какой-нибудь конторе, верно?
- Верно. В Париже десятки тысяч контор, так что в этом я могу признаться.
- У вас есть друзья?
- Нет.
- А подруга?
- Нет. Когда нужно, я довольствуюсь тем, что подвернется. Вы понимаете, что я хочу сказать?
- Уверен, что завтрашний день вы посвятите длинному письму в газеты.
- Как это вы обо всем догадываетесь?
- Вы не первый, с кем случилось такое.
- И чем это кончалось у других?
- Финалы бывали разные.
- Кое-кто кончал самоубийством?

Мегрэ не ответил, и снова воцарилось молчание.

- Револьвера у меня нет, и я знаю, что без специального разрешения достать его сейчас практически невозможно.

- Вы не покончите с собой.
- Почему вы так думаете?
- Иначе вы не стали бы мне звонить.

Мегрэ утер пот со лба. Весь этот банальный разговор и его собственные нейтральные ответы все-таки помогли ему разобраться в личности собеседника.

- Я вешаю трубку, - произнес голос на другом конце линии.
- Можете позвонить в понедельник.
- Не завтра?
- Завтра воскресенье, и на службе меня не будет.
- Дома тоже?
- Хочу поехать с женой за город. Каждая сказанная фраза была в цель.
- Везет вам...
- Согласен.
- Вы считаете себя счастливым человеком?
- Относительно - как большинство людей.
- А я никогда не был счастлив.

Незнакомец внезапно повесил трубку. Может быть, кто-то, кому надоело ждать, когда закончится разговор, попытался зайти в будку; может быть, у звонившего просто сдали нервы. Пьяницей он явно не был. Разве что для смелости сделал исключение? Звонил он из кафе или бара. Его задевали локтями, на него смотрели, не подозревая, что это убийца. Мегрэ позвонил жене.

- Как насчет того, чтобы провести уик-энд в Мен-сюр-Луар?
- Но... Ты... А расследование? - изумилась она, на секунду утратив дар речи.
- Надо дать ему дозреть.
- Когда выезжаем?

- После завтрака.

- На машине?

- Разумеется.

Водить машину она начала год назад, уверенности еще не обрела и за руль всегда садилась с нескрываемым опасением.

- Купи чего-нибудь на обед: вечером, когда мы приедем, магазины, возможно, будут закрыты. И чего-нибудь на утро, чтобы плотно позавтракать. А днем поедем в гостинице.

Из ближайших сотрудников комиссара на месте оказался только Жанвье; Мегрэ пригласил его на аперитив.

- Что ты делаешь завтра?

- Воскресенье - это день моей тещи, всяких дядюшек и тетюшек, шеф.

- А мы поедем в Мен.

Мегрэ с женой быстренько позавтракали на бульваре Ришар-Ленуар. Г-жа Мегрэ, помыв посуду, пошла переодеваться.

- Холодно?

- Свежо.

- Значит, платье в цветочек лучше не надевать?

- Почему нет? Ты ведь поедешь в пальто?

Через час они влились в поток парижан, десятки тысяч которых спешили выбраться на природу. Домик выглядел таким же чистым и опрятным, каким они его оставили: дважды в неделю женщина из деревни проветривала его, смахивала пыль, натирала пол. Говорить с ней о новых средствах ухода за мебелью и полом было бесполезно: она признавала только воск, приятный запах которого царил повсюду. Муж ее занимался садом: на клумбе Мегрэ обнаружил крокусы, а в самом защищенном от ветра месте, в глубине сада у стены, росли нарциссы и тюльпаны. Прежде всего, комиссар отправился на второй этаж и переделся в старые брюки и фланелевую рубашу. Ему всегда казалось, что домик, с его массивными балками, темными уголками и мирной атмосферой напоминает дом приходского священника. Комиссару это даже нравилось. Г-жа Мегрэ крутилась на кухне.

- Ты очень голоден?

- В меру.

Телевизора у них здесь не было. В теплую погоду они усаживались после обеда в саду и наблюдали, как в надвигающихся сумерках постепенно стираются контуры пейзажа. Этим вечером, гуляя, они спустились к Луаре, воды которой после дождей в начале недели стали грязными и несли ветви деревьев.

- Ты чем-то озабочен?

- Собственно говоря, нет, - ответил комиссар после долгого молчания. - Сегодня утром мне звонил убийца Антуана Батийля.

- Чтобы поиздеваться над тобой? Бросить тебе вызов?

- Нет, ему нужна поддержка.

- И за ней он обратился к тебе?

- Ему больше не к кому...

- Ты уверен, что это был убийца?

- Да, но вряд ли он убил преднамеренно.

- Значит, неумышленное убийство?

- Не совсем, если только не ошибаюсь.
- Зачем он написал письмо в газеты?
- Читала?
- Да. Вначале я подумала, что это подстроено... Ты знаешь, кто он?
- Нет, но могу узнать в течение суток.
- Ты не заинтересован в его аресте?
- Сам явится.
- А если не явится? Если совершит новое преступление?
- Не думаю...

Однако полной ясности у комиссара не было. Имеет ли он право быть настолько уверенным в себе? Он подумал об Антуане Батийле, который так хотел изучать население тропических стран и собирался жениться на юной Морисетте. Ему не было и двадцати одного; он свалился в лужу на улице Попенкур и больше не поднялся...

Спал комиссар беспокойно. Дважды открывал глаза: ему казалось, что звонит телефон. "Больше он убивать не будет". Мегрэ пытался успокоить себя. "В сущности, он его боится"...

Настоящее воскресное солнце, солнце воспоминаний детства. Сад, весь в росе, благоухал; в доме пахло яичницей с ветчиной. День протекал мирно, однако с лица Мегрэ не сходила тревожная тень. Расслабиться до конца ему не удалось, и жена это чувствовала. В гостинице их встретили с распростертыми объятиями; с каждым пришлось выпить: супругов Мегрэ здесь считали за своих.

- В картишки потом перекинемся?

Почему бы и нет? Мегрэ с женой съели свинину по-деревенски, петуха в белом вине, на десерт был козий сыр и ромовые бабы.

- Часа в четыре?
- Договорились.

Мегрэ взял свое плетеное кресло, отыскал в саду уголок поукромнее и, ощущая веками солнечное тепло, задремал. Когда он проснулся, кофе у г-жи Мегрэ уже был готов.

- Ты так сладко спал, что приятно было смотреть. Во рту у комиссара еще сохранился вкус деревни, и вокруг он словно слышал жужжание мух.

- Скажи, ты не чувствовал себя немного не в своей тарелке, слыша его голос по телефону?

Они невольно продолжали думать об одном и том же.

- Я служу уже сорок лет и всякий раз волнуюсь, оказываясь лицом к лицу с убийцей.
- Почему?
- Потому что человек переступил черту.

Дальше Мегрэ объяснять не стал. Они понимали друг друга. Человек, который убивает, так или иначе порывает связь с человеческим обществом. Он перестает быть как все. Этот хотел объясниться, сказать, что... Слова готовы были политься у него с губ, но он знал, что это бесполезно, что никто его не поймет. Так же бывает и с настоящими убийцами, с профессионалами. Они держатся агрессивно, язвят, но это объясняется их желанием подбодриться, убедить себя в том, что как люди они еще не умерли.

- Вернешься не слишком поздно?
- Надеюсь, до половины седьмого.

Мегрэ вновь оказался в обществе своих местных приятелей - милых людей, для которых он был не знаменитым комиссаром Мегрэ, а просто соседом, и к тому же отличным рыболовом. Они

играли за столом, застеленным красной скатертью. Карты, знавшие лучшие дни, засалились. Деревенское белое вино было приятным и свежим.

- Вам объявлять...

- Бубны...

Сидевший слева противник объявил терц, его партер - четыре дамы.

- Козыри...

Послеполуденное время комиссар провел за картами: разворачивал их веером, объявлял терцы и белоты. Это успокаивало, как мурлыканье. Время от времени подходил хозяин, заглядывал игрокам в карты и с понимающей улыбкой удалялся. Человеку, который убил Антуана Батийля, воскресенье должно было показаться долгим. Живет ли он в маленькой квартирке с собственной мебелью или снимает помесечно комнату в скромной гостинице, все равно ему лучше не сидеть в четырех стенах, а пойти потереться в толпе, заглянуть в кино. Во вторник вечером шел такой дождь, что это было похоже на потоп; в Ла-Манше и Северном море погибло несколько рыболовных судов. Может быть, это тоже имело какое-нибудь значение? А куртка Антуана, его длинные волосы? Мегрэ старался не думать об этом, целиком отдаться игре.

- Ну, что скажете, комиссар?

- Пас.

Белое вино слегка ударило в голову. Мегрэ отвык от него: пьешь, как простую воду, а потом, глядишь, и ноги не держат.

- Мне, пожалуй, пора.

- Доиграем до пятисот очков, ладно?

- Пусть будет до пятисот.

Комиссар проиграл и угостил всех присутствующих.

- Похоже, вы у себя в Париже пренебрегаете белотом. Подразучились, да?

- Есть малость.

- На Пасху побудьте подольше.

- Хотелось бы. Ничего лучшего мне и не надо. Вот преступники, те... - На тебе! Он вдруг опять подумал о телефоне. - Спокойной ночи, господа.

- До будущей субботы?

- Возможно.

Разочарования Мегрэ не чувствовал. Уик-энд он провел так, как задумал, а забыть в деревне свои тревоги и заботы и не надеялся.

- Когда хочешь выехать?

- Как только перекусим. Что у тебя на обед?

- Приходил старик Бамбуа, предложил линия; я его запекла.

Мегрэ с удовольствием взглянул на толстую рыбу с приятной золотистой корочкой.

Ехали они медленно: ночью г-жа Мегрэ боялась вести машину еще больше, чем днем. Мегрэ включил радио, с улыбкой прослушал предупреждение для автомобилистов, потом последние известия. Говорили в основном о внешней политике; комиссар облегченно вздохнул, убедившись, что о деле на улице Попенкур упомянуто не было. Другими словами, убийца оказался благоразумен. Ни нового преступления, ни самоубийства. Только в департаменте Буш-дю-Рон похищена девочка. Есть надежда найти ее живой. Спал Мегрэ лучше, чем прошлой ночью; стоял уже день, когда его разбудил оглушительно стрелявший грузовик. Жены рядом не было. Она встала недавно - постель еще хранила ее тепло - и теперь готовила на кухне кофе. Перегнувшись через перила, г-жа Мегрэ смотрела, как муж грузно спускается по лестнице; можно было

подумать, что она провожает ребенка на трудный экзамен. Знала она только то, о чем писали газеты, но газетам не было известно, какую энергию он тратит, чтобы все до конца понять, как напрягает силы во время некоторых расследований. Он словно отождествляет себя с теми, кого преследует, мучится их муками.

Комиссару повезло сесть в двухэтажный автобус: устроившись на крыше, он докурив первую утреннюю трубку. Едва он вошел в кабинет, как позвонил комиссар Грожан.

- Как дела, Мегрэ?

- Прекрасно, А у вас? Как ваши прохвосты?

- Вопреки предположениям, полезнее всех оказался Гувьон, этот невзрачный дозорный: благодаря ему мы нашли свидетелей двух ограблений - замка Эпин, неподалеку от Арпажона, и виллы в лесу Дре. Гувьон часто в течение нескольких дней следил, кто и когда посещает выбранный преступниками дом. Иногда он забегал по соседству перекусить и чего-нибудь выпить, и его запомнили. Думаю, он скоро расколется и все расскажет. Жена Гувьона, бывшая танцовщица кордебалета из Шатле, умоляет его признаться. Все четверо сейчас в Сайте, в разных камерах. Я хотел поставить вас в известность и поблагодарить... А у вас?

- Потихоньку...

Через полчаса, как Мегрэ и ожидал, позвонил редактор утренней газеты.

- Опять послание?

- Да. На этот раз пришло не по почте - его бросили в наш почтовый ящик.

- Длинное?

- Порядочное. На конверте пометка: "Для редактора субботней статьи о преступлении на улице Попенкур".

- Тоже печатными буквами?

- Похоже, он пишет ими довольно бегло. Прочитать?

- Будьте добры...

"Господин редактор! Я прочитал ваши статьи, в частности субботнюю, и хотя не берусь судить об их литературных достоинствах, мне показалось, что вы в самом деле пытаетесь установить истину. Некоторые из ваших коллег поступают иначе: в погоне за сенсацией они печатают неизвестно что, рискуя назавтра впасть в противоречие.

Однако у меня есть упрек и в ваш адрес. В своей последней статье вы упоминаете об "одержимом с улицы Попенкур". Зачем вы употребили это слово? Во-первых, оно оскорбительно; во-вторых, содержит в себе оценку. Может быть, вы выбрали его из-за семи ударов ножом? Видимо, так, потому что дальше вы пишете, будто убийца наносил удары как бешеный. Известно ли вам, что, употребляя слова такого рода, вы можете нанести большой вред? Некоторые ситуации сами по себе столь мучительны, что о них нельзя судить поверхностно.

Это напомнило мне о том министре внутренних дел, который недавно, говоря о пятнадцатилетнем парне, употребил слово "чудовище"; пресса, понятное дело, тут же его подхватила.

Я не прошу, чтобы меня щадили. Я знаю, что в глазах людей я убийца - и только. Но я не хочу, чтобы мне досаждали еще и словами, которые, безусловно, выходят за пределы понимания тех, кто ими пользуется.

Что касается остального, благодарю вас за объективность. Могу сообщить, что я звонил комиссару Мегрэ. Он показался мне понятливым, и у меня возникло желание довериться ему. Но он полицейский: не обязывает ли это его играть роль или даже устраивать ловушки? Думаю, что

позвоню ему еще. Я очень устал. Тем не менее завтра я вернусь к своей работе в конторе. Я ведь простой канцелярист.

В субботу я присутствовал на похоронах Антуана Батийля. Видел его отца, мать, сестру. Хотелось бы, чтобы они знали: я ничего не имел против их сына. Не знал его. Никогда не видел. Я искренне раскаиваюсь в том зле, которое им причинил.

Остаюсь, господин редактор, вашим покорным слугой".

- Могу я это опубликовать?

- Не вижу никаких препятствий. Напротив. Это побудит его написать снова, а из каждого письма мы что-то узнаем про него. Когда снимете с письма копию, будьте добры переправить его мне. Не обязательно через рассыльного.

В двенадцать минут первого, когда Мегрэ решал, идти завтракать или нет, зазвонил телефон.

- Вы, наверное, звоните из кафе или бара, находящегося неподалеку от вашей конторы?

- Верно. Вы потеряли терпение?

- Я собирался пойти позавтракать.

- Вы не знали, что я позвоню?

- Знал.

- Прочли мое письмо? Я предполагал, что вам передадут его по телефону. Поэтому я и не послал вам копию.

- Вам нужно, чтобы публика читала ваши письма, не так ли?

- Мне хочется избежать ложных толкований. Когда кто-то совершает убийство, возникают всякие ложные представления. Да и у вас, возможно...

- Знаете, я всякого навидался.

- Знаю.

- Когда еще существовала каторга, некоторые регулярно писали мне из Гвианы. Другие, отбыв срок, заходили ко мне.

- В самом деле?

- Вы чувствуете себя немного лучше?

- Не знаю. Во всяком случае, сегодня утром я работал почти нормально. Забавно думать, что люди, которые держатся с тобой вполне естественно, резко изменились бы, произнеси я одну короткую фразу.

- Вам хочется ее произнести;

- Иногда мне приходится сдерживать себя. Например, при директоре конторы, который смотрит на меня свысока.

- Вы уроженец Парижа?

- Нет, провинциального городка. Какого - не скажу: это помогло бы вам установить мою личность.

- Чем занимался ваш отец?

- Он главный бухгалтер одного... Ну, скажем, одного довольно крупного предприятия. Доверенное лицо, понимаете ли. Дурак, которого хозяева могут задержать до десяти вечера или заставить выйти на работу в субботу днем, а то и в воскресенье.

- А ваша мать?

- Она очень больна. Сколько я ее помню, она всегда хворала. Кажется, это результат моего появления на свет.

- У вас нет ни сестер, ни братьев?

- Нет. Именно поэтому. Она все же поддерживает порядок в доме, там всегда очень чисто. В школе я тоже был одним из самых опрятных учеников. Родители мои люди честолобивые. Им хотелось, чтобы я стал адвокатом или врачом. А мне опротивело учиться. Тогда они решили, что я поступлю на предприятие, где работает мой отец, - самое крупное в городе. Я же не хотел там оставаться. Мне казалось, что я задыхаюсь. Я приехал в Париж...

- И задыхаетесь в конторе, да?

- Зато когда я выхожу оттуда, меня никто не знает. Я свободен.

Он говорил непринужденнее, естественнее, чем в прошлый раз. Меньше боялся. Паузы стали более редкими.

- Что вы обо мне думаете?

- Разве вы меня об этом не спрашивали?

- Я имею в виду обо мне вообще. Не принимая во внимание улицу Попенкур.

- Думаю, что таких, как вы, десятки, сотни, тысячи.

- Большинство женаты, у них есть дети.

- А вы почему не женились? Из-за своего..., недуга?

- Вы и в самом деле думаете так, как говорите?

- Да.

- Дословно?

- Да.

- Не могу вас понять. Комиссара полиции я представлял совсем другим.

- Комиссар полиции такой же человек, как все. Здесь, на набережной дез Орфевр, мы тоже отличаемся друг от друга.

- Вот чего я совсем не понимаю - того, что вы сказали мне в прошлый раз. Вы утверждали, что можете установить мою личность за сутки.

- Верно.

- Каким образом?

- Я вам отвечу, когда вы окажетесь передо мной.

- Так почему бы вам этого не сделать и не арестовать меня прямо сейчас?

- А если я спрошу, почему вы решились на убийство?

Наступила пауза, более тревожная, чем прежние; комиссар подумал, что, возможно, зашел слишком далеко.

- Алло! - забеспокоился он.

- Да...

- Я был слишком, резок, извините. Но правде нужно смотреть в лицо.

- Знаю... И, поверьте, пытаюсь. Может, вы думаете, я писал в газеты и звоню вам, потому что хочу поговорить о себе? Нет - потому что все это ложь!

- Что ложь?

- То, что думают люди. Вопросы, которые будут задавать мне в суде, если я туда попаду. Обвинительная речь прокурора. И даже, возможно - в наибольшей степени, речь моего адвоката.

- Вы заглядываете так далеко?

- Приходится.

- Думаете явиться с повинной?

- Вы же убеждены, что я так и сделаю, верно?

- Да.

- Полагаете, мне станет легче?

- Уверен.

- Меня запрут в камере и будут обращаться со мной, как... - Он не закончил фразу, и Мегрэ решил не перебивать.

- Не хочу вас больше задерживать. Вас ждет жена.

- Уверен, что она не беспокоится. Привыкла. Опять молчание. Казалось, незнакомец не решается порвать нить, связывающую его с другим человеком.

- Вы счастливы? - робко спросил он, словно этот вопрос неотвязно его преследовал.

- Относительно. Счастлив, насколько человек вообще может быть счастливым.

- А вот я с четырнадцати лет не был счастлив никогда - ни дня, ни часа, ни минуты, - произнес незнакомец и внезапно сменил тон:

- Благодарю.

Разговор прервался.

Во второй половине дня комиссар поднялся к следователю Пуаре.

- Дознание продвигается? - спросил тот с оттенком нетерпения, свойственного всем следователям.

- Практически закончено.

- Вы хотите сказать, что знаете убийцу?

- Сегодня утром он опять звонил.

- Кто же он?

Мегрэ достал из кармана увеличенную фотографию мужского лица в толпе, снятую на солнечной набережной Анжу.

- Этот молодой человек?

- Не так уж он молод. Ему лет тридцать.

- Вы его арестовали?

- Еще нет.

- Где он живет?

- Я не знаю ни его фамилии, ни адреса. Если я опубликую этот снимок, люди, которые видятся с ним ежедневно, - коллеги, привратница, кто-нибудь еще, - узнают его и не замедлят мне сообщить.

- Почему же вы этого не делаете?

- Этот вопрос беспокоит и меня; сам убийца вторично задал мне его сегодня утром.

- Он звонил вам и раньше?

- Да, в субботу.

- Вы отдаете себе отчет, комиссар, в ответственности, которую на себя берете? К тому же, косвенно, ее несу и я, раз увидел его фотографию. Не нравится мне это...

- Мне тоже. Но только если я поспешу, он скорее всего не даст себя арестовать и покончит с собой.

- Опасаетесь самоубийства?

- Терять ему особенно нечего, как по-вашему?

- Задерживают сотни преступников, а тех, что покушаются на свою жизнь, можно сосчитать по пальцам.

- А если он все-таки относится к последним?

- В газеты он еще что-нибудь писал?

- Вчера вечером или ночью в почтовый ящик одной из редакций бросили письмо.

- Мне кажется, эта мания достаточно изучена. Насколько я помню лекции по криминологии, так обычно поступают параноики.

- По мнению психиатров, да.

- Вы с ними не согласны?

- У меня недостаточно знаний, чтобы спорить с ними. Единственная разница между ними и мной заключается в том, что я не делю людей на категории.

- Но ведь это необходимо.

- Необходимо для чего?

- Чтобы судить их, например.

- Судить - не моя задача.

- Не зря меня предупреждали, что у вас трудный характер. - Следователь произнес это с легкой улыбкой, хотя в душе вовсе не улыбался. - Хотите сделку? Сегодня понедельник... Скажем, в среду, в это же время...

- Слушаю вас.

- Если к этому времени он не будет за решеткой, вы разошлете снимки в газеты.

- Вы в самом деле на этом настаиваете?

- Я предоставляю вам отсрочку, которую считаю достаточной.

- Благодарю вас.

Мегрэ спустился на свой этаж и открыл дверь в инспекторскую. В действительности никто из инспекторов ему особенно не был нужен.

- Зайди-ка, Жанвье.

В кабинете было душно, и комиссар открыл окно; в помещение ворвался уличный шум. Мегрэ сел и выбрал изогнутую трубку, которую курил реже других.

- Ничего нового?

- Ничего, шеф.

- Садись.

Следователь ничего не понял. Для него преступник определялся той или иной статьей уголовного кодекса.

Мегрэ иногда требовалось также порассуждать вслух.

- Он опять звонил.

- Он еще не решился прийти с повинной?

- Хочет, но пока колеблется, как перед прыжком в ледяную воду.

- Он, наверное, вам доверяет?

- Надеюсь. Но он знает, что я тут не один. Я сейчас был наверху... Когда его начнет допрашивать следователь, наш убийца, увы, отдаст себе отчет в реальном положении дел. Я узнал о нем еще кое-что. Он из провинциального городка, из какого - предпочел умолчать. Это означает, что городок очень маленький - там мы легко напали бы на его след. Его отец - главный бухгалтер, доверенное лицо, как он сам, не без горечи, выразился.

- Понимаю.

- Из него хотели сделать адвоката или врача. Но продолжать учение у него не хватило мужества. Не захотел он и поступать на предприятие, где работает отец. Ничего в этом оригинального нет - я так ему и сказал. Работает в конторе. Живет один. У него есть причина, по которой он не женат.

- Он сказал, какая?

- Нет, но я, кажется, понял. Эту тему Мегрэ развивать не стал.

- Я могу только ждать. Завтра мне, конечно, напомнят... В среду днем придется послать его снимки в газеты.

- Почему?

- Ультиматум следователя. По его словам, он не может взять на себя ответственность и подождать еще.

- Вы надеетесь, что... Зазвонил телефон.

- Ваш анонимный собеседник, господин комиссар.

- Алло! Господин Мегрэ?... Прошу извинить, что я утром повесил трубку. Бывают моменты, когда я говорю себе, что все это лишено всякого смысла. Я как муха, которая бьется о стекло, пытаюсь выбраться из комнаты.

- Вы не в конторе?

- Я пошел туда. Был полон самых добрых намерений. Мне дали срочное дело. Я открыл его и прочел первые строчки, а потом спросил себя, что я тут делаю... Меня охватила какая-то паника; я сказал, что мне нужно в туалет, и вышел в коридор. На ходу едва успел захватить плащ и шляпу. Боялся, что меня задержат, словно кто-то охотится за мной.

В самом начале разговора Мегрэ дал Жанвье знак, чтобы тот снял вторую трубку.

- В каком районе города вы находитесь?

- На Больших Бульварах. Я уже больше часа брожу в толпе. Иногда злюсь на вас, подозреваю, что вы нарочно лишаете меня рассудка, постепенно доводя до такого состояния, что мне остается одно - прийти с повинной.

- Вы выпили?

- Откуда вы знаете? - Незнакомец говорил все более пылко. - Я выпил несколько рюмок коньяка.

- Вообще-то вы ведь не пьете?

- Только стакан вина за едой, изредка аперитив.

- Курите?

- Нет.

- Что вы сейчас собираетесь делать?

- Не знаю... Ничего... Ходить... Может быть, посидеть в кафе и почитать газеты.

- Больше писем не посылали?

- Нет. Возможно, одно еще напишу, но мне мало что осталось сказать.

- Вы живете в меблированной квартире?

- У меня там своя мебель, есть кухонька и ванная.

- Готовите сами?

- Только вечером.

- Но несколько дней уже не готовите?

- Верно. Возвращаюсь к себе как можно позже. Почему вы задаете мне такие банальные вопросы?

- Они помогают мне понять вас.

- Вы поступаете так со всеми?

- Нет, по-разному.

- Неужели люди настолько отличаются друг от друга?

- Все люди разные. Почему вы не придете ко мне?

- А вы меня отпустите? - рассмеялся незнакомец коротким нервным смешком.

- Обещать не могу.

- Вот видите... Я приду к вам, как вы выразились, когда у меня окончательно созреет решение.

Мегрэ чуть не сказал ему об ультиматуме следователя, но, взвесив все "за" и "против", воздержался.

- До свидания, господин комиссар.

- До свидания. Не падайте духом!

Мегрэ и Жанвье переглянулись.

- Бедняга! - пробормотал Жанвье.

- Он еще борется. Но рассуждает вполне здраво. Не тешит себя иллюзиями. Интересно, придет ли он до среды?

- У вас не создалось впечатления, что он уже колеблется?

- В субботу он тоже колебался. Сейчас он на улице, на солнце, в толпе, где никто не показывает на него пальцем. Может зайти в кафе, заказать коньяк, и его обслужат, не обратив на него никакого внимания. Может пойти пообедать в ресторан, посидеть в темном кино.

- Понимаю.

- Я ставлю себя на его место. Рано или поздно...

- Покончив с собой, чего вы опасаетесь, он поступил бы еще более решительно.

- Знаю. Но знает ли он? Надеюсь только, что он не будет продолжать пить.

В комнату проникли легкие струйки свежего воздуха; Мегрэ взглянул на раскрытое окно.

- А что, если мы пропустим по рюмочке?

Через несколько минут они стояли у стойки в "Пивной Дофина".

- Коньяк, - заказал комиссар. Жанвье улыбнулся.

Глава 7

Вторник выдался утомительный. Но на службу Мегрэ пришел в игривом настроении. Стояло такое радостное весеннее утро, что весь путь от бульвара Ришар-Ленуар он проделал пешком, наслаждаясь воздухом, запахом из лавок, порой оборачиваясь вслед женщинам в светлых нарядных платьях.

- Для меня ничего? Было ровно девять.

- Ничего, шеф.

Через несколько минут, через полчаса позвонит главный редактор какой-нибудь газеты, который объявит, что пришло новое письмо, написанное печатными буквами. Мегрэ надеялся, что этот день станет решающим. Он приготовился: тщательно разложил на письменном столе трубки,

выбрал одну из них, подошел к окну и закурил, глядя на искрящуюся в утреннем солнце Сену. Когда настало время идти на доклад, он усадил за свой стол Жанвье.

- Если позвонит, попроси подождать и тотчас же разыщи меня.

- Слушаюсь, шеф.

Пока комиссар находился в кабинете начальника, телефон молчал. В десять часов тоже. Не зазвонил он и в одиннадцать. Мегрэ рассеянно разобрал почту, заполнил бланки сводок, нет-нет, да и заглядывая на несколько минут в инспекторскую, словно для того, чтобы обмануть время. Дверь он предусмотрительно оставлял открытой. Все вокруг ощущали беспокойство, нервное напряжение. Молчащий телефон создавал у комиссара чувство какой-то пустоты и неловкости. Чего-то не хватало.

- Мадемуазель, вы уверены, что мне не звонили? В конце концов он сам позвонил в газету.

- Сегодня утром ничего не получили?

- Ничего.

Накануне человек с улицы Попенкур позвонил в первый раз в десять минут первого. В полдень Мегрэ не пошел вниз вместе со всеми. Дождавшись половины первого, он еще раз попросил Жанвье, который больше других был в курсе дела, подежурить у аппарата.

Жена не спросила ни о чем: ответ был очевиден. Неужели он проиграл? Неужели зря доверился своему чутью? Завтра в это же время ему придется пойти к следователю и признать свое поражение. Фотография будет напечатана в газетах. Что, черт возьми, делает этот идиот? На комиссара накатывали приступы гнева.

- Он, видно, хотел только поломаться, а теперь наплевал на меня! Может быть, даже потешается над моей наивностью!

На Набережную комиссар вернулся позже обычного.

- Ничего? - машинально осведомился он у Жанвье. Тот дорого дал бы за возможность сообщить хорошую новость: на комиссара было больно смотреть.

- Пока нет.

Вторая половина дня показалась еще длиннее, чем утро. Тщетно Мегрэ пытался заняться текучкой, разобрать бумажный завал на столе. Мыслями он был далеко. Обдумывал всевозможные версии, отбрасывая одну за другой. Ему даже пришло в голову позвонить в дежурную часть.

- К вам не обращались по поводу самоубийств?

- Минутку... За ночь один случай: у Орлеанской заставы старуха отравилась газом... В восемь утра мужчина бросился в Сену... Этого удалось спасти.

- Возраст?

- Сорок два. Неврастеник.

Почему он так беспокоится? Он сделал все, что мог. Пришло время посмотреть фактам в лицо. Мегрэ мучился не потому, что его одурачили, а потому, что его подвела интуиция. Значит, дело серьезное. Значит, он больше не способен установить контакт, а в этом случае...

- Черт бы его побрал! - выругался Мегрэ в пустоту кабинета, взял шляпу и, выйдя без пальто, один, в "Пивную Дофина", выпил залпом у стойки две кружки пива подряд.

- Не звонил? - вернувшись, осведомился он.

В семь часов звонка все еще не было, и Мегрэ решил идти домой. Он ощущал тяжесть и разлад с самим собой. Сидя в такси, не видел ни солнца, ни пестрой толкотни на улицах. Не оценил даже погоду. С трудом взбираясь по лестнице, немного запыхался и дважды останавливался. Не доходя нескольких ступенек до своей площадки, заметил, что жена наблюдает за ним. Она поджидала его,

как поджидают ребенка из школы, и комиссар уже готов был рассердиться. Когда он подошел к двери, она лишь сказала вполголоса:

- Он здесь.
- Ты уверена, что это он?
- Он сам сказал.
- Давно он пришел?
- Около часа.
- Ты не боялась?

Внезапно Мегрэ ощутил запоздалый страх за жену.

- Я знала, что не подвергаюсь никакой опасности. Они шептались, стоя у двери напротив.
- Мы беседовали.
- О чем?
- Обо всем. О весне, Париже. О том, что исчезают маленькие шоферские ресторанчики...

Наконец Мегрэ вошел, и в гостиной, служившей одновременно столовой, увидел довольно молодого человека, который поднялся ему навстречу. Г-жа Мегрэ заставила гостя снять плащ; шляпу он положил на стул. Он был одет в синий костюм и выглядел моложе своих лет.

- Извините, что я пришел сюда, - выдавил молодой человек с вымученной улыбкой. - Я боялся, что у вас на службе мне не позволят сразу прийти к вам. Столько всякого рассказывают...

Он явно опасался, что в полиции его будут бить. Смушался, подыскивал слова, лишь бы не молчать. Он и не подозревал, что комиссар смущен не меньше его. Г-жа Мегрэ тем временем удалилась на кухню.

- Вы именно такой, каким я вас представлял.
- Присаживайтесь.
- Ваша жена была очень терпелива со мной.

Внезапно, словно о чем-то вспомнив, молодой человек достал из кармана пружинный нож и протянул его Мегрэ.

- Можете отдать кровь на анализ. Я его не мыл. Мегрэ небрежно положил нож на маленький столик и опустил в кресло лицом к гостю.

- Не знаю, с чего начать. Это очень трудно...
- Прежде я задам вам несколько вопросов. Как вас зовут?
- Робер Бюро. Пишется так же, как слово "бюро". Это символично, правда? И отец, и я...
- Где вы живете?

- У меня маленькая квартирка на улице Эколь-де-Медесин, в старинном здании - дом стоит в глубине двора. Работаю я на улице Лафита, в страховой конторе. То есть, работал... Ведь со всем этим покончено, верно?

Последнюю фразу он произнес с печальным смирением. Умиротворенно и спокойно осмотрелся, словно пытаясь вжиться в окружающую обстановку.

- Где родились?

- В Сент-Аман-Монрон на реке Шер. Там есть большая типография Мамена и Дельвуа, работающая на многих парижских издателей. Там и служит мой отец; в его устах имена Мамена и Дельвуа почти священные. Я жил, а родители и сейчас живут, в маленьком доме у Беррийского канала.

Мегрэ не торопил его: не стоит слишком быстро переходить к главному.

- Вы не любили свой город?

- Нет.

- Почему?

- Мне казалось, что я там задыхаюсь. Все там друг друга знают. Идешь по улице и видишь, как на окнах колышутся занавески. Я постоянно слышал, как родители шептались: "Что скажут люди..."

- Вы хорошо учились?

- До четырнадцати с половиной был первым учеником. Родители так к этому привыкли, что ворчали, когда в дневнике у меня оценки были чуть ниже.

- Когда вы начали бояться?

Мегрэ показалось, что у носа побледневшего собеседника пролегли две складки, а губы пересохли.

- Не представляю, как мне удалось сохранить это в тайне до сегодняшнего дня.

- Что произошло, когда вам было четырнадцать с половиной?

- Вы знаете наши места?

- Проезжал.

- Шер течет параллельно каналу. В некоторых местах расстояние между ними не превышает десяти метров. Река широкая, но мелководная: в ней много камней, по которым можно перейти вброд. Берега заросли ивой, вербой, всяким кустарником, особенно около деревни Древан, примерно в трех километрах от Сент-Амана. Там обычно играют деревенские дети. Я с ними не играл, - Почему?

- Мать называла их маленькими хулиганами. Некоторые купались в речке голышом. Почти все были детьми рабочих типографии, а родители проводили большое различие между рабочими и служащими. Играли обычно человек пятнадцать-двадцать, среди них две девочки. Одна из девочек - Рене - в свои тринадцать лет вполне сформировалась; я был в нее влюблен... Я много думал над этим, господин комиссар, и спрашивал себя: могло ли все произойти иначе? Пожалуй, да. Я не пытаюсь оправдываться... Однажды один мальчик, сын колбасника, обнимался с ней в молодом леске. Я застал их врасплох. Они убежали купаться вместе с другими. Мальчика звали Ремон Помель; он был рыжий, как и его отец, в лавку к которому мы ходили. В какой-то момент он отошел по нужде. Сам того не замечая, приблизился ко мне, а я вынул из кармана нож, лезвие выскочило... Клянусь, я не соображал, что делаю. Я ударил несколько раз и почувствовал, что от чего-то освободился. В ту секунду я ощущал в этом потребность... Для меня это не было преступлением, убийством - я просто наносил удары. Я ударил несколько раз, когда он уже упал, а потом спокойно удалился. - Молодой человек оживился, глаза его заблестели. - Его нашли только через два часа. Не сообразили сразу, что в ватаге из двадцати ребятишек его нет. Я вымыл нож в канале и вернулся домой.

- Почему у вас в таком возрасте уже был нож?

- Несколькими месяцами раньше я украл его у одного из моих дядюшек. Я обожал перочинные ножи. Как только у меня появлялось немного денег, я покупал нож и всегда таскал его в кармане. Как-то в воскресенье я увидел у дяди пружинный нож и украл его. Дядя повсюду его искал, но меня даже не заподозрил.

- А как же ваша мать не нашла его у вас?

- Стена нашего дома со стороны сада заросла диким виноградом, его листва обрамляла окно моей комнаты. Когда я не брал нож с собой, мне приходилось прятать его в гуще листвы.

- И никто на вас не подумал?

- Это меня удивило. Арестовали какого-то моряка, но потом выпустили. Подозревали кого угодно, только не ребенка.

- Что вы чувствовали?

- Сказать по правде, угрызения совести меня не мучали. Я слушал разговоры кумушек на улице, читал о преступлении в монлюсонской газете, словно это меня не касалось. Похороны не произвели на меня никакого впечатления. Для меня все это уже относилось к прошлому. К неизбежному. Я тут был ни при чем... Не знаю, понимаете ли вы меня? Думаю, это невозможно, если сам не прошел через такое... Я продолжал ходить в коллеж, но стал рассеянным и это отразилось на отметках. Лицо мое сделалось бледнее обычного; мать свела меня к врачу. Тот осмотрел меня и не особенно убедительно заявил: "Это возрастное, госпожа Бюро. Мальчик немного анемичен". Все мне казалось каким-то нереальным. Мне очень хотелось убежать. Не от возможного наказания, а от родителей, из города, куда-нибудь подальше - неважно, куда.

- Не хотите выпить? - спросил Мегрэ, почувствовав сильную жажду. Он налил два стакана коньяка с водой и протянул один гостю. Тот жадно, залпом, осушил свой.

- Когда вы поняли, что с вами произошло?

- Вы мне верите, да?

- Верю.

- Я всегда был убежден, что мне никто не верит. Это сложилось незаметно. Время шло, и я чувствовал, что все больше отличаюсь от других. Поглаживая в кармане нож, я приговаривал: "Я совершил убийство. Никто об этом не знает". Мне даже захотелось все рассказать своим однокашникам, учителям, родителям, похвастаться своим подвигом. Потом однажды я вдруг заметил, что иду вдоль канала за девочкой. Это была дочь речников, возвращавшаяся к себе на баржу. Стояла зимняя ночь. Я подумал, что достаточно сделать несколько быстрых шагов, вынуть нож из кармана... Внезапно меня охватила дрожь. Я, не раздумывая, повернулся и добежал до первых домов, словно там было безопаснее...

- С тех пор часто с вами случалось такое?

- В детстве?

- Потом - тоже.

- Раз двадцать. В большинстве случаев жертву я заранее не выбирал. Просто шел, и вдруг в голову мне приходила мысль: "Я его убью". Позже я вспомнил, как в далеком детстве отец дал мне за что-то оплеуху и в качестве наказания отправил в детскую, а я проворчал: "Я его убью". Я думал так не только об отце. Врагом моим было все человечество, человек вообще. "Я его убью". Не дадите ли еще выпить?

Мегрэ налил гостю, заодно и себе.

- В каком возрасте вы уехали из Сент-Амана?

- В семнадцать. Я знал, что на бакалавра мне не сдать. Отец ничего не понимал и только с тревогой смотрел на меня. Хотел, чтобы я нанялся в типографию. Однажды ночью, ни слова не говоря, я забрал свой чемодан и скромные сбережения и ушел.

- И нож тоже!

- Да. Раз сто я хотел избавиться от него, но безуспешно. Не знаю - почему. Понимаете...

Ему не хватало слов. Чувствовалось, что он силится говорить как можно правдивее и точнее, но давалось это с трудом.

- Приехав в Париж, я поначалу голодал; мне случалось, как и многим, разгружать овощи на Центральном рынке. Я читал объявления и спешил туда, где предлагали работу. Так я попал в страховую контору.

- У вас были друзья?

- Нет. Я довольствовался тем, что время от времени ходил к уличным женщинам. Одна из них попыталась как-то вытащить у меня из бумажника деньги сверх оговоренных; я достал нож. Лоб мой покрылся потом. Ушел я от нее, шатаюсь... Я понял, что не имею права жениться.

- Вам очень этого хотелось?

- Вы когда-нибудь жили в Париже один, без родителей, без друзей? Вам приходилось возвращаться к себе вечером, одному?

- Да.

- Тогда вы поймете. Мне не хотелось заводить друзей: я не мог быть с ними откровенным, не рискуя угодить в тюрьму до конца дней своих... Я пошел в библиотеку Святой Женевиевы. Вгрызаясь в труды по психиатрии, я надеялся найти объяснение. Конечно, мне не хватало начальных знаний. Стоило мне решить, что мой случай соответствует какому-то душевному расстройству, как я тут же обнаруживал, что того или иного симптома у меня нет. Меня постепенно охватывал ужас. "Я его убью"... В конце концов, как только эти слова срывались у меня с губ, я бросался домой, запирался и кидался в постель. Кажется, даже стонал. Однажды вечером, мой сосед, человек средних лет, постучался ко мне. Я машинально вытащил из кармана нож. "В чем дело?" - спросил я через дверь. "У вас все в порядке? Вы не заболели? Мне показалось, что вы стонали. Извините". И он ушел.

Глава 8

В дверях появилась г-жа Мегрэ и сделала мужу какой-то знак, которого он не понял, - мыслями он был далеко. Потом тихо спросила:

- Можешь на минутку выйти?

На кухне она заговорила вполголоса:

- Обед готов. Уже девятый час. Что будем делать?

- Что ты имеешь в виду?

- Надо же поесть.

- Мы не закончили.

- Может, он поест с нами?

Мегрэ изумленно посмотрел на жену, но тут же предложение показалось ему вполне естественным.

- Нет. Не нужно накрытого стола, обеда в кругу семьи. Ему будет страшно неловко. У тебя есть холодное мясо, сыр?

- Есть.

- Тогда сделай несколько бутербродов и принеси вместе с бутылкой белого вина.

- Как он?

- Спокойней и рассудительней, чем я ожидал. Начинаю понимать, почему он весь день не давал о себе знать. Ему надо было пережить все еще раз.

- Как это пережить?

- Внутренне. Поняла?

- Нет.

- В четырнадцать с половиной лет он убил мальчика.

Когда Мегрэ вернулся в гостиную, Робер Бюро смущенно спросил:

- Я мешаю вам обедать, да?

- Будь мы на набережной дез Орфевр, я послал бы за бутербродами и пивом. Не вижу причин не сделать и здесь точно так же. Жена даст нам бутерброды и бутылку вина.

- Если бы я знал...

- Что?

- Что кто-то может меня понять. Вы - исключение. Следовательно будет вести себя иначе, судьи тоже. Всю жизнь я боялся - боялся снова нанести удар, сам того не желая. Я наблюдал за собой каждую секунду, прислушиваясь, не начинается ли припадок. При малейшей головной боли, например... У каких только врачей я не побывал. Правды я им, конечно, не говорил, а жаловался на жуткие головные боли, сопровождающиеся холодным потом. Большинство не придавали этому значения и прописывали аспирин. Невропатолог с бульвара Сен-Жермен сделал мне электроэнцефалограмму. По его словам, с мозгом у меня все в порядке.

- Давно это было?

- Два года назад. Мне очень хотелось признаться ему, что я ненормален, болен... Раз он сам не обнаружил... Когда я проходил мимо полицейского комиссариата, мне иногда хотелось зайти туда и сказать: "В четырнадцатилетнем возрасте я убил мальчика. Я чувствую, что могу убить снова. Это должно пройти. Заприте меня. Вылечите".

- Почему вы этого не сделали?

- Потому что читаю рубрику происшествий в газете. Почти на каждый процесс приглашают психиатров, а потом просто смеются над ними. Когда они говорят об ограниченной вменяемости или умственном расстройстве, присяжные не обращают внимания. В лучшем случае, уменьшают наказание до пятнадцати или двадцати лет... Я пытался справиться сам, следить за приближением припадков, бежать домой. Долгое время мне это удавалось...

Вошла г-жа Мегрэ с блюдом бутербродов, бутылкой пуйи-фюиссе и двумя стаканами.

- Приятного аппетита, - сказала она и отправилась обедать на кухню.

- Угощайтесь.

Сухое вино было последнего урожая.

- Я не голоден. Иногда я почти не притрагиваюсь к пище, иногда, наоборот, испытываю страшный голод. Это, видимо, тоже один из симптомов. Я ищу их во всем. Анализирую все свои рефлексы. Придаю значение самым незначительным побуждениям... Попробуйте поставить себя на мое место. В любой момент я могу...

Он откусил бутерброд и сам удивился, что ест самым обычным образом.

- Я боялся в вас ошибиться. Читал в газетах, что вы человечны и из-за этого у вас возникают иногда конфликты с прокуратурой. С другой стороны, там говорилось о методе ваших допросов - "карусели". С задержанным обращаются мягко и ласково, он делается доверчив и не замечает, как понемногу из него вытягивают все что нужно.

- Дела бывают разные, - не сдержал улыбки Мегрэ, - Разговаривая с вами по телефону, я взвешивал каждое ваше слово, каждую паузу.

- И все-таки пришли.

- У меня не было выбора. Я чувствовал, что все рушится. Послушайте, я хочу вам признаться. Вчера на Больших бульварах в какой-то момент мне пришла в голову мысль напасть на первого встречного, прямо в толпе, наносить вокруг себя удары, яростно драться в надежде, что меня убьют... Можно, я налью себе еще? - вдруг спросил он и с чуточку печальной покорностью добавил:

- Никогда в жизни мне больше не придется пить такого вина.

Мегрэ на миг попробовал представить себе лицо следователя Пауре, присутствуй тот при этом разговоре. Бюро продолжал:

- Три дня шел проливной дождь. Когда речь заходит о таких, как я, часто поминают луну. Я наблюдал за собой и не заметил, чтобы припадки становились в полнолуние более частыми или сильными. Дело, скорее, в какой-то общей напряженности. В июле, например, когда очень жарко. Или зимой, когда снег валит большими хлопьями. Говорят, что в такое время в природе наступает перелом. Понимаете? Бесконечный дождь, порывы ветра, стук ставней за окном - все это привело к тому, что мои нервы натянулись как струны. В тот вечер я вышел из дому и принялся гулять под ливнем. Через несколько минут я вымок до нитки; я нарочно поднимал голову, чтобы вода хлестала мне в лицо. Внутреннего сигнала я не услышал, а если и услышал, то не подчинился ему. Было бы лучше, если бы я не упорствовал, а вернулся домой. Я шел куда глаза глядят. Все шел и шел... В какой-то момент нащупал в кармане нож. В темной улице увидел освещенную витрину маленького бара. Вдали я слышал шаги, но это меня не тревожило. Из бара вышел молодой человек, его длинные волосы прилипли к затылку. Щелкнул нож... Я не знал молодого человека... Никогда не видел... Не разглядел его лицо... Нанес несколько ударов... Уже удаляясь, понял, что облегчение не пришло, вернулся, ударил снова и приподнял его голову... Поэтому-то в газетах и говорили об одержимом... Говорили и о сумасшедшем...

Посетитель замолчал и огляделся, словно удивляясь окружающей его обстановке.

- Я ведь и вправду сумасшедший, верно? Не может быть, чтобы я не был болен. Если бы меня вылечили... Я так давно на это надеюсь... Но вот увидите: удовольствуются тем, что меня на всю жизнь упрячут в тюрьму.

Ответить Мегрэ не осмелился.

- Вы ничего не скажете?

- Желаю вам вылечиться - Вы не очень-то на это рассчитываете, правда?

Мегрэ допил стакан.

- Выпейте Сейчас мы поедем на набережную дез Орфевр.

- Благодарю, что выслушали.

Он залпом осушил стакан; Мегрэ налил еще.

Робер почти во всем оказался прав. На суде двое психиатров заявили, что обвиняемый не является душевнобольным в формальном смысле слова, но его вменяемость весьма ограничена, поскольку он с трудом сопротивляется своим побуждениям. Адвокат просил суд отправить подзащитного в психиатрическую лечебницу под наблюдение врачей. Присяжные учли смягчающие обстоятельства, однако приговорили Робера Бюро к пятнадцати годам заключения. После этого председательствующий, откашлявшись, добавил:

- Мы отдаем себе отчет, что приговор не вполне соответствует реальному положению дел. Однако в настоящее время у нас, увы, нет такого учреждения, где человек, вроде Бюро, мог бы получить необходимый уход, оставаясь при этом под строгим надзором.

Бюро, сидя на скамье подсудимых, отыскал глазами Мегрэ и покорно улыбнулся. Вероятно, он хотел сказать: "Я это предвидел, не так ли?"

Когда Мегрэ вышел, плечи его были опущены.

<http://book.zehinli.info>